

«LUISA OBSCURA»
ТОМ ТРЕТИЙ

АННА И МАРК
КОЭН

МАКОВЬ И ВЕФЕЦ

16+

Луиза Обкура

Анна Коэн
Маковый венец

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Коэн А.

Маковый венец / А. Коэн — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Луиза Обскура)

Третий том масштабной альтернативной истории о Европе конца XIX века "Luisa Obscura". Расплатившись по кровавым долгам, Луиза Спегельграф готова вернуться в Хёстенбург и занять место в свите королевы. Но за улыбками придворных таится лед, и вскоре у девушки появляются враги, а в борьбе за власть ей уготована новая роль – Валькирии Ее Величества. Олле Миннезингеру почти удалось очистить свое имя – в уважаемом господине никто не узнает Крысиного Короля. Но еще больше грязи таится за пределами Угла, и цветочный яд готов разлиться по венам столицы. Олле единственный, кто может остановить бедствие. Юстас Андерсен утратил имя, любовь и свободу. Все, чем он располагает, это разум прирожденного двойного агента. Путь приводит его к главной тайне последних десятилетий – сговору Слуг государства. Но когда Юстас получит ответы, сможет ли он выбрать верную сторону? Тем временем поля покрываются алыми брызгами маков, ведь, как гласит легенда, растут они на крови солдат.

© Коэн А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Том третий	5
Глава 2. Честь идалго	16
Глава 3. Стальной горизонт	30
Глава 4. Узник надежды	41
Глава 5. Олово и акварель	51
Глава 6. Один к шести	61
Глава 7. Игра в фанты	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Том третий

Глава 1.

Человек в дорогом костюме

На мосту Фридриха Шестого творилось сущее безумие: впереди, у самого выезда на перекресток, перевернулась телега с капустой. Колесо слетело с треснувшей оси, и весь поток экипажей, мобилей, возов и открытых по случаю весеннего денька колясок, встал, как пересоленная каша в горле. Только студенты и курьеры на своих несуразных велосипедах лавировали в этом ржущем, грохочущем, смердящем и сквернословящем заторе и исчезали вдаль, наматывая на спицы колес капустные листья. Карл Воренбах провожал их взглядом, полным ненависти.

– Мерзость.

Он не слишком торопился на службу, однако, в последнее время, единственное, что приносило исполняющему обязанности главы Дома Зодчего утешение – это наблюдать за тем, как мир постепенно катится в бездну, и торжествовать: все именно так, как он и предрекал.

– Мерзость какая, – с наслаждением повторил он. – Отвратительный день будет, чует моя печенька.

День герра Воренбаха и правда не задался.

Начать хоть с того, что с утра ему пришлось рассчитать кухарку, проработавшую на него три с лишним года. Готовила проклятушая баба отменно, особенно удавался ей олений окорок под сливочным соусом и крученые булочки с помадкой. Но, как оказалось, подворовывала: где мясные обрезки, где с полдюжины яиц.

Или взять, к примеру, его назначение. После Фридриха Кеппеля, раздавленного памятником президенту, после герра Дука. Как вам это – счетовода и в главы? Заседать в парламенте, мучиться одышкой и без конца оправдываться за тот кошмарный случай с ратушей, ставшей местом преступления. Журналиги постарались на славу, ведь жертвой оказалась одна из их братии, и на все лады поносили Дом Зодчего за то, что они, видите ли, недостаточно укрепили ограждение вокруг руин!

Предыдущий глава, Иоганн Дук, под сильнейшим давлением подал в отставку, и с тех пор его должность был вынужден занять Карл, бедолага Карл. Видела бы все это покойная Игритт.

И если бы это только приносило выгоду – но нет! Щедрые взносы казны на восстановление Золотого Квартала значительно сократились после скандала, а в последние две недели и вовсе происходило что-то из ряда вон.

Грузы материалов приходили с задержкой, в них не хватало то камня, то извести, то еще тролль знает чего; рабочие и инженеры увольнялись без объяснений и спешно покидали объекты. А четыре дня назад ночной пожар подчистую уничтожил склад с сотнями тонн заготовленной древесины, только прибывшей из провинции. Удивительно еще, что никто не пострадал, даже сторож, до одури упившийся шнапсом и уверявший, что видел огнедышащего демона. Казалось, чья-то злая воля играла с древнейшей гильдией в кошки-мышки, загоняя в угол.

Начал накрапывать едкий весенний дождик. Впереди наметился просвет, и те экипажи, что были ближе к развилке, начали движение.

– Отвратительно, – в очередной раз вздохнул Карл Воренбах и постучал набалдашником трости в потолок.

Первым делом, оказавшись в кабинете, он стянул перчатки, шелковый шарф, снял благообразный черный котелок и велел секретарю принести себе кофе. С тоской осужденного посмотрел на громадный, полированной вишни, стол, устланный бумагами разной степени бесполезности, и уселся за него. Настало время ждать дурных новостей.

Ждать пришлось недолго.

Едва он успел опустошить первую чашку кофе и прикинуть, во сколько ему обойдется покупка поместья в Шварцбурге у озера, чтобы провести там остаток жизни вдалеке от столичной суеты и гильдейских забот, как его помощник просунул голову в дверь и проблеял, что к герру Воренбаху посетители. Нет, не из банка Дома Весов. Да, срочно.

Мысленно приготовившись к очередной неприятной беседе с подрядчиками, у которых разбежались бригады, Карл промокнул поджатые губы салфеткой, нахмурился и велел впустить визитеров.

Но, когда дверь отворилась повторно, он едва сдержал удивление.

– Доброго утра доброму господину Воренбаху! Воистину, нет ничего приятнее, чем начинать день с кофе и новых знакомств, не так ли? – с порога возвестил незнакомец и приподнял шляпу. – Человек, сделай-ка и нам по чашечке, – повелел он помощнику Карла.

– Доброго утра, герр... Не имею чести...

«Только не пялься, не смей пялиться!» – засуетился внутренний голос счетовода.

Через минуту незнакомец уже сидел в гостевом кресле напротив исполняющего обязанности главы Дома Зодчего, закинув длинные ноги одна на другую и попивая кофе. Он был высок, широкоплеч, темно-русые волосы острижены по последней моде. На нем был костюм, с виду очень дорогой, из иссиня-черного сукна высочайшего качества, с бордовым отложным воротничком-шалю и такими же обшлагами; на ногах у незнакомца поблескивали лакированные туфли с белоснежными гамашами. Неуместно торжественные фиалки выглядывали из петлицы, отражаясь в начищенных пуговицах. Запонки были из оникса неправильной формы, вправленного в золото. Черных перчаток из тонкой телячьей кожи человек не снял. Видать, у него были на то причины. Как и на все остальное.

«Не пялься!»

Второй визитер, тучный усатый коротышка в клетчатой тройке, совершенно потерялся в тени первого и рассеянно оглядывал убранство кабинета.

– Так все-таки, с кем имею честь? Вы по рекомендации? – проямлил Карл, стараясь не смотреть мужчине в лицо.

– В какой-то степени, – отвратительно бодро отозвался молодой человек. – Мне рекомендовали вас, вашу Гильдию, в качестве чрезвычайно выгодного предприятия для вложения активов.

– Вот как...

Дело принимало все более странный оборот. Мало того, что незнакомец до сих пор не представился, самым возмутительным образом игнорируя правила хорошего тона, так он еще и с порога перешел к делу, размахивая кошельком, судя по костюму, не тощим. Герр Воренбах совсем потерялся.

– Но, пожалуй, вы считаете меня наглецом, – прочел его мысли визитер. – Ведь я до сих пор не назвал себя.

С этими словами он извлек из нагрудного кармана визитку и, на манер игральной карты, метнул ее на стол перед Карлом. Тот двумя пальцами поднял плотный прямоугольник цвета сажи с серебряным тиснением витиеватых букв, поправил очки и близоруко поднес к глазам.

– Уильям Хофман, сын ныне покойного графа Хофмана. Как бы то ни было, титул я не унаследовал, ведь союз моих родителей был в высшей степени морганатическим, но я все же располагаю его средствами, как единственный отпрыск.

Исполняющий обязанности издал неопределенный звук.

«Только морганатических мне не хватало...»

Тем временем, назвавшийся Уильямом Хофманом, продолжал разливаться о непростой судьбе своей матушки, певуньи из безымянной деревушки на Альбионе, повстречавшей благородного господина и потерявшей голову от страсти. Голос, к слову, у него был поставлен

превосходно: можно было не сомневаться ни в вокальных данных его матери, ни в том, что каждый конторский служащий из Дома Зодчего уже знает все подробности их беседы. Стервец.

– ...и вот, с тех пор, как скончался мой опекун, а я вступил в возраст, с которого могу распоряжаться средствами из фонда, я ищу, куда могу вложить их и преумножить, – вернулся в прагматичную колею герр Хофман. – Можете быть уверены, я не из тех безответственных наследников, которые проматывают все до гульдена, а после влачат жалкое существование, прикрывая позор отцовским именем. Я – человек дела. И, быть может, – тут он драматично склонил голову и прижал пальцы, обтянутые черной кожей, к губам. – Может быть, отец будет гордиться мной из пиршественного зала в Вальгалле! И поднимет кубок медовухи...

– Я понял вас, – Карл поспешил прервать его словословие. – Что ж, вы кажетесь мне достойным молодым господином, раз так печетесь о чести покойного родителя. Хоть ранее я и не имел удовольствия слышать его имя.

– Это не важно, – властно махнул рукой Уильям. – Перейдем к конкретным цифрам. Ведь вы, кажется, достаточно долго служили в этом Доме счетоводом...

Герр Воренбах вынул из рукава платок и отер вспотевшую шею. Стервец, стервец! Как только пронюхал? Видать, тот, кто рекомендовал ему вложить средства в Гильдию, выдал всю подноготную. Нужно быть осторожнее, ведь не до конца ясно, что еще известно этому узаконенному графскому ублюдку.

По знаку своего господина клетчатый коротышка открыл черный портфель с латунными застежками и извлек из него чековую книжку, на вид совсем новую.

– Итак, для начала, – Уильям Хофман открыл книжку. – Позвольте перо. Благодарю, Карл. – Острие заскрипело по бумаге. – Для начала я предлагаю следующую сумму. Позже с вами свяжется мой человек и обговорит следующий взнос и его назначение. Что скажете? – он вырвал чек, протянул его собеседнику и жутко подмигнул.

Карл никак не отреагировал на панибратское обращение. Он более не владел ни своим прерывистым дыханием, ни трясущимися пальцами, ни подслеповато моргающими глазами.

– Это...

– Довольно щедро, я знаю, – улыбнулся Уильям, мать его, Хофман. – И нет, предвосхищая ваш вопрос, я не ошибся в количестве нулей. Данная сумма должна покрыть ваши недавние издержки, связанные с потерей материалов и склада, и еще кое-что останется сверху.

У герра Воренбаха заняло в левом подреберье. Знает, обо всем знает!

Он, наконец, заставил себя посмотреть в лицо странному визитеру, как бы его ни звали на самом деле. Это было лицо не человека, но падальщика, подобравшегося к раненой жертве.

В его обманчиво располагающей улыбке, расслабленной позе и сложенных черных руках бедный Карл явственно читал послание: «Я положу вас всех в карман, а вы и пикнуть не посмеете».

– Думаю, на сегодня мы закончили, – визитер хлопнул себя по острому колену и поднялся с кресла. – Как я и сказал, в течение недели отправлю к вам поверенного. – Он водрузил на голову котелок, поправил кашне и слегка поклонился. – Благодарю за кофе и крайне содержательную беседу, Карл. Вы – славный мальчик.

Из последних сил герр Воренбах поднялся со своего места, чтобы попрощаться. Во рту было сухо, сердце продолжало дергаться в непристойном темпе.

Уже в дверях мужчина внезапно обернулся, заставив Карла подскочить.

– Ах, да, чуть не забыл. Я уже упоминал, что за вычетом компенсации убытков у вас останется еще немало денег. Пока не приключилась очередная досадная неожиданность, я хочу, чтобы они были направлены на конкретный проект.

– Какой же, – едва ворочая языком, выдавил Карл.

– Меня не особо интересуют эти ваши рестораны и прочие очаровательные магазинчики Золотого Квартала. Даже не думайте, – Хофман угрожающе прищурил единственный глаз. – Я хочу, чтобы вы восстановили один театр.

Он был уверен, что едва за ним закрылись двери кабинета несчастного клерка, чье лицо под конец встречи цветом сравнялось с пергаментом, счетовод бросился к потайному шкафчику, где хранил какое-нибудь дорогое пойло. Поэтому человек в костюме распрощался со своим провожатым – все же деловому человеку не к лицу ходить на такие встречи в одиночку – сунув ему сложенную вчетверо лиловую купюру.

– Свободен, – бросил он коротышке, и тот поспешил скрыться из виду.

Дождь кончился, так и не успев разойтись.

Уильям бросил последний взгляд на окна Дома Зодчего и, более не задерживаясь, вскочил на подножку черного экипажа и скрылся за его дверью. Кони тут же тронулись с места.

– Как все прошло? Он взял деньги?

Из полумрака на него таращились зеленые глаза, чей голодный блеск приглушала муаровая вуалетка.

– Золотце, я открою тебе страшную тайну... Нет, сразу две тайны! Во-первых, совершенно не обязательно скрывать личико, если не выходишь из экипажа.

Девушка фыркнула, но вуали не подняла, только руки сложила на груди. Настороженная и воинственная, как всегда.

Возможно, он был излишне суров к напарнице, и до недавнего времени у нее не было ни денег, ни подходящего случая, чтобы примерить такую кокетливую шляпку. Но взаимные шпильки были неотъемлемой частью их диалогов.

– Во-вторых, человек в его положении не отказался бы от денег в таком количестве, даже если бы я высморкался в чек.

– А я бы все равно подстраховалась и потопила ту баржу, – возразила Анхен. – Кто знает, вдруг он вывернется?

– Начнет выворачиваться, тогда подкинем ему проблем. Рано или поздно он уловит связь между пинками и мозговыми косточками. Это неизбежно, – Одноглазый Уилл начал осторожно стягивать тугие перчатки, то морщась, то посвистывая. Под ними обнаружили руки бойца с ободранными костяшками. По левой ладони тянулся длинный порез – остановил лезвие ножа на подлете, сухожилия до сих пор стонали при каждом движении. Если бы не заносчивость Ормунда Бородавки, он бы не сидел в вишневом кабинете, как деревенщина, дорвавшийся до галантереи. – Я куплю его с потрохами.

– Легко разбивать чужую кубышку, – завела старую песню Анхен. – Идея отмыть капитал Теодора, конечно, хороша, но ты выбрасываешь на ветер целое состояние только чтобы впечатлить человека, которого можно было и завалить по-тихому. К чему? И еще большой вопрос – принесет ли это все прибыль. Я-то Грошовую Корону не надевала, решать не мне...

В их странном тандеме ей удавалось уравнивать и остужать его натуру, заставляя думать о последствиях, но иногда скепсис Анхен не вызывал у Уилла ничего, кроме раздражения.

– Я уже объяснял тебе! Вложив деньги, на которых старина Теодор сидел, как полудохлая собака на сене, мы будем получать фиалки с трети доходных зданий столицы, а то и с половины. Каждый месяц. К слову, мне понравился кабинет главы Зодчих, только коврик сменить.

– Ты просто хочешь не нуждаться в Гаусе и его кхате.

Уилл сжал кулак так резко, что лопнула корка сукровицы, а боль в ладони отозвалась в кости до самого локтя.

– Молчишь? Ну, молчи, – помощница Крысиного Короля отвернулась к окну.

Он покосился на ее профиль. Несмотря на дамские штучки, вроде шляпок, брошек и кружевных воротничков с манжетами, Анхен не перестала походить на оборвыша со слишком длинным носом, раскосыми глазами и острыми скулами. Благодаря положению, за ней теперь многие ухлестывали, но дурнушки всегда остро чувствуют фальшь во внимании такого рода. Поэтому она хладнокровно использовала мужчин для собственного увеселения, но ни привилегий, ни спуска им не давала.

Уилл не жалел ее, ведь жалость ударила бы по самолюбию.

В тот черный день она рискнула всем, чтобы спасти его от гибели. Анхен проявила чудеса изворотливости, чтобы его имя засветилось в Сыском Ведомстве только в качестве свидетеля по делу Хелены Стерн, и чтобы остальные крысы не прознали о настоящем убийце Теодора. Пэр, если верить газетам, так ни в чем и не признался, а помешанный на чести и гуманизме шеф полиции не решился казнить подростка, заменив высшую меру наказания пожизненным заключением в крепости Давеншпиль.

Разумеется, Анхен поступила так ради себя, ради возможностей, которые улизили бы из-под носа, если бы Уилл умер. Но, все же, он был ей благодарен.

И вместе с тем постоянно возвращался в памяти к тому мигу, когда осколок зеленого стекла едва не встретился с его горлом. Это было бы избавлением, искуплением, справедливой ценой за все его поступки. Оглушительный финал.

Экипаж трясся по брусчатке вниз по склону холма, заставляя подбородок Анхен мелко подскакивать на подставленной ладони.

– Надо же, апрель в разгаре, – протянула она почти мечтательным тоном. – А там и до лета рукой подать.

– И к чему ты это? Не терпится искупаться?

– Не думала, что ты останешься в Углу так надолго. Ты же рвался за море. Все твердил о своей суженой, о друзьях...

Уилл прикрыл глаз. Шпильки Анхен были не такими остроумными, как его собственные, но били по-женски в цель.

– Ты думаешь, все они мертвы, ведь так? Я слышала о бойне на берегу от парня, который вернулся оттуда. Ты еще встречался с ним. Он говорил, они только сошли с корабля, как...

– Заткнись.

Анхен трижды открывала рот, но каждый раз оставляла попытку высказаться. Какое-то время она выстукивала по стеклу ритм «В хёстенбургском порту» и хмурилась, но через несколько минут все же не выдержала и заговорила:

– Это на тебя не похоже. Нисколько. Тот Миннезингер, которого я знала – пусть он и был фееричным придурком – не поверил бы ему. Он бы поехал и убедился во всем сам.

Безымянная общая могила на Берегу Контрабандистов.

Руины. Осколок. Горло.

– Ты подошла к черте, Анхен. Может, ты и забыла, но я напому – Миннезингера больше нет.

Человек в дорогом костюме шагнул к самому краю.

Бригадир строителей подавился крошками пирога, которым все пытался перекусить, и бросился к нему.

– Герр... этот... Хофман! Зашибетесь, прогнило все к эдакой матери!

Когда чужак обернулся, вылупив на него одинокий глаз, бригадир осознал, что схватился за чистый рукав богатея жирными пальцами. Отшатнулся, ища слова оправдания, но тот, каза-

лось, и не заметил. Понятно дело – деньжищ куры не клюют, раз может выбрасывать их на реставрацию такой развалины, как этот театр.

Когда его закрыли, уже никто и не помнил. Годы стоял, ветшая, роня известковые слезы, собирая под дырявой крышей отребье да ворье. И тут вот понадобился кому-то.

– Ты прав, – только и отозвался Хофман. – Все прогнило.

– Вы бы слезли, со сцены-то, – бригадир с усилием подбирал слова для общения с важной, но, видать, слегка слабоумной персоной. – Тама вон стропилы обвалились, снег всю зиму падал, доски того и гляди проломаются. Зашибетесь, говорю, шею свернете.

– А, это, – меценат, как по-образованному называл его герр Воренбах, передернул плечами и стряхнул с багряного обшлага пылинку. – Вряд ли.

Но от края все-таки отошел. Бригадир шумно выдохнул. Если бы не углядел и угробил мецената, с работы бы вышвырнули ногами вперед. Но облегчение его было недолгим: Хофман вдруг забросил ему руку на шею, а другую, рисуясь, простер к прохудившемуся, зияющему небом потолку.

– Ты только представь, как это будет! Мы возведем новые колонны, поверху пустим барельеф в виде огромного змея, грызущего свой хвост! В центре будет огромная хрустальная люстра, и сияние ее огней будет отражаться в бриллиантах, отягчающих женские ушки и холечные шейки. Блеск, брызги! Два яруса лож с бархатными занавесями. Влюбленные смогут держаться за руки, спрятав их за высокими спинками кресел. А там, смотри же, смотри, – он стиснул шею бригадира сильнее. – Королевская ложа! Разумеется, мы всегда будем держать ее свободной на тот случай, если монаршая чета соблаговолит посмотреть нашумевшее представление. Но вот – свет гаснет, – Хофман понизил голос до шепота, – Тш-ш!.. Начинается спектакль... Босой мальчишка тайком садится на корабль, в его узелке только хлеб и флейта. Где-то в башне льет луковые слезы одинокая девочка с золотыми волосами. Бандит бежит из заключения, чтобы повидать мать, прекрасный принц сходит с ума, великан пасет овечку, а птица похищает драгоценный камень... О, мой театр! Он прогремит! Он будет греметь!..

– Герр Хофман... – просипел строитель, и меценат, наконец, отпустил его. – Вы бы так пока не волновались! Работы – море, почти окиян. Дожить надо!

Хофман отвернулся и, кажется, смахнул что-то с лица. Может, пыль.

А когда вновь взглянул на бригадира, взгляд его был потухшим. Таким... нормальным.

– Эх, дружище, ты – просто кладезь мудрости, – усмехнулся он.

Одноглазому Уиллу удалось остановить оползень голыми руками. Это можно было увидеть, только выглянув в окно Угла, выходящее на Золотой Квартал.

Угрозами, поджогами и шантажом он добился того, чтобы ни один строитель не занимался обновлением благополучного района для благополучных горожан. Он тянул время.

Прежде дворец париков и шиньонов, ныне – прибежище отверженных. Пока им всем не найдется новое место, нельзя подпускать Квартал слишком близко. Нельзя позволить, чтобы те, кто ходит, не скрывая уродств за широкими рукавами и поднятыми воротниками, подошли вплотную и начали тыкать чистыми пальцами в их крепость.

И уже почти месяц все шло по плану.

– О чем только думал старик, когда покупал этот дом? – протянул он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Уилл убрал бокал с трухлявого подоконника и задернул шторы.

– Кто ж его знает, – Анхен не подняла головы от гроссбуха, в котором выводила какие-то пометки, прикусив от усердия кончик языка. – В последнее время его поступки и не пахли благоразумием.

– Но Крысы здесь уже лет десять.

– Да какая разница... Проклятье, кляксу посадила! Все из-за тебя.

Девушка принялась промакивать пятно специальным клочком бумаги, но, судя по нарастающей крепости ругательств, сделала только хуже.

– Не шуми, Ягненок, – поморщился Уилл. – Веди себя достойно Темного Лезвия.

– Не то что? Найдешь мне замену?

– Мы оба знаем, что не найду.

Он и впрямь не мог так поступить. Их сотрудничество было похоже на перетягивание каната на краю обрыва – она знала его главную тайну, а он помогал ей держать Угол под контролем, несмотря на то, как редко женщины добивались подобных высот среди Крыс. И в интересах обоих было, чтобы все оставалось на своих местах.

Он бы добровольно поменялся с Анхен местами, но в этом мире так делать было нельзя – ценой Грошовой Короны была только кровь. Уилл рассматривал вариант с умопомрачительной постановкой собственной смерти и последующим исчезновением, но Крысы могли не купиться на уловку второй раз. И тогда Анхен погибла бы самым гнусным образом.

К тому же, в Углу и так не все было гладко.

– Что у нас с отщепенцами? – Крысиный Король присел на оттоманку и поставил свой бокал на спину резного деревянного слона.

Он выбросил из комнаты Теодора все, что напоминало о прежнем владельце – кроме бумаг, разумеется – и обставил ее на свой вкус, наполнив вычурными и совершенно разномастными предметами. Здесь были скрипки с резными грифами в виде голов животных, критский ковер с вытканым лабиринтом и даже олонская сабля с красной шелковой кистью на рукояти: она занимала почетное место над каминной полкой. Другую стену украшала карта Хёстенбурга, испещренная крестиками, спиралями, перечеркнутыми треугольниками и прочими малопонятными пометками.

– Зачинщиков развесили по столбам, – скривилась Анхен. – Остальным отрезали по два пальца и отправили стричь старьевщиков и портовые бордели.

– У-у, не слишком ли жестоко?

– А не слишком ли было лезть на тебя с ножом, а потом пытаться организовать свою банду в трущобах? – Анхен выдрала из гроссбуха окончательно испорченный лист и, скомкав, швырнула его через плечо в камин. – Спустим с рук одним, через неделю будем иметь таких десять. По поступкам и награда.

– Тебе стоило бы родиться мужчиной, – поддразнил ее Уилл.

– А тебе девкой в кружавчиках.

– К слову, Ягненок, что ты там все строчишь? Расходы или доходы?

Анхен, наконец, подняла от записей лицо и прищурилась. На ее лбу тонкой нитью обозначилась строгая морщинка.

– Гаус прислал письмо. У его поставщика новый покровитель из олонской знати, взамен погибшего. Опиум на днях хлынет в Хёстенбург, и не в аптечных дозах, как это было прежде, а потоком. Что строишь рожи?! – она запустила в него химическим карандашом, но Уилл увернулся. – Ты знал, на что мы идем с того самого момента, как мы взяли у него первый конверт деньгами! Чистоплюй! Это же золотая жила!

– На что мне столько денег?

– Отгрохаешь еще парочку театров и музеев в придачу. Тоже мне...

В дверь постучались.

– Стук в дверь – первый признак воспитания, – Уилл вскочил на ноги и, на ходу поправляя синий жилет, подошел к дверям. – А воспитанного человека можно и впустить.

На пороге оказался Заноза, тощий кривоносы́й выродок, плотно сидящий на кхате. Его нервировало все вокруг, но охранники у входа в покои Крысиного Короля – больше прочего. Занозу потряхивало, зеленые зубы терзали нижнюю губу.

– Что ж ты, козлик, входи, раз пришел, – вздохнул Уилл и кивнул одному из охранников, чтобы вошел вместе с ним. От любителей кхата можно было ждать любых фокусов.

Крысиный Король вернулся к полюбившейся оттоманке, развалился на ней и вновь приложился к бокалу с белым вином. Анхен закатила глаза.

– Ну? С чем пожаловал?

Заноза тяжело сглотнул, отчего его острый кадык сделал головокружительный кульбит.

– Я с донесением, ваше вышство, вот... – бодро выпалил он, но под конец фразы сдулся.

– С донесениями – это к легавым, – ласково поправил его Уилл, отчего Заноза позеленел сильнее обычного. – Ко мне приходят с новостями. Давай, дружище. Не робей.

Для повторной попытки высказать «донесение» Занозе потребовалось чуть больше времени, но Худший из Худших был терпелив.

– Ко-кокнуть вас хотят. Вот.

– Пф-ф, тоже мне, новость! Положение, знаешь ли, обязывает.

– Н-нет. Не это. Не наши. Это... заказ был! От одной шишки. Афиша щекастая, весь в рыжле, с цепурой, вот. На Уильяма Хофмана заказ дал. Наши его взяли, конечно, и задаток поделили. П-пропить успели! А потом, как дошло, о ком речь... Чуть в штаны не наложили. Вот!

– Вот как.

– Да, вот.

Охранник, простоватый, но серьезный детина, напряг внушительные мышцы и скрипнул портупей. Доносчик сжался.

– Богатый, говоришь, мужик?

– О-очень, – прошелестел Заноза, с перепугу, видимо, забыв даже коронное «вот».

– Сколько денег дал?

– Пицот гульденов задатка.

– Скряга. А остальное?

– В десять раз больше.

– И что же, хочешь меня убить, Заноза? – Уилл снова поднялся и медленно зашагал к нему. – Крысиный Король Заноза, Худший из Худших – как тебе? Хочешь стать тут главным?

– Олле! – не выдержала Анхен.

– Не хочу! Не хочу!! – взвыл доходяга, когда Одноглазый Уилл навис над его скрюченной фигурой. – Ничего я такого не хочу, ваше крыс... вышество!

Уилл постоял немного, моргая, медленно осознавая, что только что набросился, пожалуй, на самого жалкого из своих подданных, не считая бабки, выпиливавшей для крыс деревянные протезы. Даже странно, что такой человек, как Заноза, имел отношение к заказным убийствам. Видимо, подельники отправили его с «новостью» на съедение.

– Передай своим, – он заботливо поправил на плечах бандита скукоженный пиджак и хлопнул его по спине, – что, если добудете мне полное имя и адрес того мужчины с золотой цепочкой, я их не обижу. А, может, даже награжу.

Уилл не переставал удивляться силе визитной карточки. Он заказал в типографии тридцать штук для смеха, но теперь думал, что ему понадобится дополнительный тираж.

Дворецкий чинно возложил визитку на поднос и велел ожидать ответа своего господина в прихожей, и последний экземпляр черной картонки с серебристыми буквами исчез за дверями кабинета на втором этаже великолепного особняка.

От нечего делать, Уильям Хофман стал оглядываться. Этот дом не был тронут и сотой долей потрясений, коснувшихся Хёстенбурга за последние годы. Всюду хрусталь и золото, газовые люстры, как в театре, и скульптуры с игривыми сценами александрийских мифов: куда ни глянь – везде мраморные задницы. Малахитовые и обсидиановые вставки расцветчивали гладкие плиты пола; лестница, по которой уцокал чопорный слуга, блестит навоощенным деревом перил; отовсюду скалит зубы восьминогий конь Слейпнир. И это только прихожая.

Сын морганатического брака хотел присвищнуть, но благоразумно сдержался. Если верить цифрам в его чековой книжке, сам он должен жить немногим скромнее.

Вскоре, не успев как следует вогнать в краску молоденькую кучерявую горничную, которая с опаской и любопытством разглядывала его из-за гардин, сверху раздалось сухое покашливание. Подняв взгляд, Уильям увидел дворецкого. Тот слегка поклонился и пригласил следовать за собой.

Со спины казалось, что у него вместо позвоночника кочерга, что Хофман тут же взял на заметку и поспешил перенять. Перед человеком, который хотел тебя прикончить, пусть даже чужими руками, следует выглядеть достойно.

Спустя несколько минут и дюжину дверей по обеим сторонам угнетающе-огромного коридора с высоким потолком – с фресок грозно глядят боги древних северян – и угрюмыми физиономиями на фамильных портретах, они оказались у входа в кабинет хозяина особняка.

– Господин велел предупредить, – с деревянным скрипом обернулся дворецкий, – что у вас будет ровно четверть часа. После этого, если вы не удалитесь по своей воле, он вызовет охрану, и вас вышвырнут на улицу.

– Не переживай, дружище, – как можно шире улыбнулся Уильям. – Четверти часа вполне хватит.

Итак, хозяин дал понять, что он в курсе детективных изысканий со стороны Хофмана, и что теперь опасается ответной агрессии. Идеально.

Уилл толкнул тяжелые створки, и они мягко сомкнулись у него за спиной. В кабинете было светло и душно. Мраморные фигуры, хватющие друг друга за разные части, стояли и здесь.

Каждая деталь интерьера была маниакально украшена завитками и инкрустацией из полудрагоценных камней. Даже громоздкий агрегат, отдаленно напоминавший телеграф, венчали золоченые фигурки откормленных младенцев с крыльями.

– Я поражаюсь такой наглости! – раздалось со стороны окна рычание. – Запросто явиться в мой дом...

– Умоляю вас, это такие пустяки. После покушения на убийство люди становятся все равно, что родственники. Так ведь, герр Госсенс?

Тучный мужчина, невысокий и краснолицый, обладатель пышных усов и атласно-блестящей лысины во весь затылок, смотрел на Уильяма с презрением.

Он восседал за столом, вполовину меньшим, чем у главы Дома Зодчих, но более роскошным, из томленого кедра с золотыми прожилками. Герр Госсенс опирался на столешницу, расставив короткие руки, словно разъяренный бульдог на цепи.

– Я не позволю крысиному вымеску, вроде тебя, тянуть свои грязные лапы к Дому Зодчих! Я выяснил, кто ты такой, да. Только это ненадолго. Теодор Роттенмайр был, по крайней мере, умным и зрелым человеком. У него были связи, союзники. Должники, в конце концов. А ты?! Выскочка!

– Любезный герр Госсенс, – ухмыльнулся Уильям. – Если вы не заметили, то именно наработкой связей я и занимаюсь.

– Я не дам тебе и твоим планам ходу, пока жив, пока являюсь главой Дома Весов, верховной Гильдии! Карл Воренбах – идиот, ни до кого выше тебе не добраться. Так что получишь свой театр – им и удовольствуешься, а иначе мы разберемся с тобой иначе. Не посмотрю на прибыль и заморожу твои новодельные счета. А теперь пшел вон!

– Прошу прощения, многоуважаемый герр Госсенс, но мои положенные пятнадцать минут еще не истекли, в то время как мне еще есть, что поведать.

– Не желаю ничего слышать!

–Зря, – пожал плечами Хофман. – Потому что это касается вашей усопшей женушки.

Рука Госсенса, потянувшаяся уже к золотому шнуру, необходимому, судя по всему, для призыва охраны, остановилась в воздухе. Уильям улыбнулся еще шире.

– Чудно, чудно. Наконец вы перестали разбрызгивать слюну и готовы меня послушать. И, прошу, ни на секунду не забывайте, что я пришел с намерениями исключительно мирными, – он приблизился к столу главы Дома Весов и боком уселся на его скругленный край. – К слову, примите мои соболезнования по поводу утраты супруги.

– Иди в бездну со своими соболезнованиями, – огрызнулся Госсенс. – Что тебе есть сказать по делу?

– По делу так по делу, – Хофман взял в руки и принялся разглядывать хрустальное папье-маше. – Совершенно случайно мне стало известно, что ваша покойная супруга заправляла подпольными аукционами произведений искусства и заработала огромные деньги на сбыте имущества уничтоженных аристократических семей за границу. То есть средства, которыми ныне распоряжается Дом Весов, отчасти так же грязны, как и мои. А-та-та! – Он покачал пальцем. – Подождите с возражениями. Это еще не самое важное, ведь ваша супруга была той еще затейницей, и грех не вспомнить все ее похождения. По крайней мере те, которые привели ее к печальному концу.

Госсенс побагровел еще сильнее.

– Что за грязные намеки?!

– Никаких намеков, только факты, и только самые любопытные из них. У меня на руках с десяток адресов подростков из трущоб, с которыми ваша покойная женушка водила довольно близкое знакомство. Не выпучивайте глаза так сильно, вам не к лицу. Думаю, вы были в курсе ее странных предпочтений, но, ввиду наследных капиталов, от которых зависели, смотрели на это сквозь пальцы. И, в итоге, один из мальчиков, не вынеся надругательств, вынес ей вердикт, вскрыв почтенной фрау горло и подвесив ту на перилах моста через пятый канал. Вы ведь читали статьи о Стекольщике? Вижу, что читали. Так вот, пресса будет в восторге, когда родители детей из моего списка расскажут правду. А сами родители будут в восторге от двойного вознаграждения – от меня и от владельцев газет. Кстати, моя смерть проблемы разглашения не решит, – Уильям удрученно цокнул языком. – Видите ли, остановить процесс могу только я сам. А теперь вопрос – хотите быть извалянным в грязи, которую разлила ваша покойная голубка?

Госсенс выглядел так, будто вот-вот бросится и вгрызется собеседнику в лицо, и будет рвать до тех пор, пока не увидит белизну кости. На его лбу вздулась вена, пальцы самой неблагородной формы стиснули нож для писем. Вряд ли он пустит его в ход. Уильям ждал, сложив руки на груди. Пауза затягивалась.

Уилл зевнул в кулак.

– Время почти истекло, – деликатно напомнил он.

– Чего вы хотите от меня?

– Ну, наконец-то вы заговорили, как деловой человек! – всплеснул руками Хофман и принялся загибать растопыренные пальцы. – Во-первых, больше не пытайтесь меня убить, это старомодно. Во-вторых, не препятствуйте моим отношениям с Домом Зодчих. Скажу вам по

секрету, у главы Гильдии весьма милый кабинет. К тому же, вы сами упомянули вопиющее скудоумие герра Воренбаха.

– Вы хотите стать главой?! – чуть не задохнулся Госсенс. – Это немыслимо!

– Отнюдь. Как только мне будет принадлежать больше половины казны Дома, я намереваюсь сместить нашего общего знакомого. И случится это очень скоро. Вам ли не знать, что деньги решают все, а у меня их достаточно...

Госсенс оскалился.

– О, да вы не знаете, во что ввязываетесь. Вы и понятия не имеете, что грядет. Ваш капитал обратится в прах, а сами вы пойдете по миру. Так что удачи на этом поприще, молодой человек. Свою могилу вы роете сами.

Уиллу подумалось, что последние слова можно отнести ко всем, кого он знает и знал.

Глава 2. Честь идалго

– Ты пьян.

Лицо девушки было наполовину скрыто тенью, мерцание свечей едва касалось ее заостренного подбородка, ключиц и обрисовывало линии горько изогнутых губ. Он не мог видеть ее глаз, но знал, что она смотрит прямо, не отводя взгляд от его безумств. Не мигая, точно статуя.

Дон рассеянно оглядел в который раз разгромленный кабинет. Все вокруг двоилось и плыло. В последнее время он часто бывал буен. Девушка поджала ноги. Не от прохлады и не из опасения поранить босую ступню об осколки, усыпавшие пол. Чтобы удобнее было наблюдать.

– Так пей со мной, – прозвучало не так уверенно, как он того хотел. Больше похоже на мольбу.

Нет ответа.

Раньше она соглашалась. Или делала вид, что согласна. Но он не винил ее в притворстве – душа Луизы Спегельграф была заперта на семь замков, и дверь в нее обшита стальными листами, которые не взять ни одной пуле. Горе и ненависть придавали чертам девушки жесткость, даже когда усмешка разрезала ее лицо.

Иногда Борислав задумывался: как смотрит она, когда свет гаснет? Смыкает ли веки, представляя на его месте другого, или смотрит во мрак мимо его плеча? Но темнота не дает разгадок, лишь множит сомнения.

Их связь, спасительная и ядовитая, дарила только временное облегчение, которое сходило на нет к утру.

– Ты не пьешь. Я видел, как ты подносишь стакан ко рту и отставляешь полным. Табак ты крошишь в пальцах, даже если он тлеет. Ты почти не ешь, и я ни разу не застал тебя спящей, – «потому что ты уходишь до рассвета», подумал, но не сказал он. – Ты вечно делаешь вид. Со мной тоже?

Луиза пожала плечами, и широкий вырез рубашки соскользнул, оголив кожу, усыпанную бледными веснушками; в их созвездиях затерялись белые лунки шрамов. Он помнил на ощупь, что на левой груди у нее точно такие же.

– Я говорила, что из меня плохая замена. Кому угодно.

Борислав не стал спорить. Говорила и не раз. Но он предпочитал не слышать.

Милошевич поднял с пола чудом уцелевшую бутылку, на дне еще плескался шнапс. Отпил жадно, швырнул о стену. Стекло брызнуло и осыпалось. Луиза даже не шелохнулась.

– Ты будто мертвая!

Тихий смешок. Сиплый, совсем не девичий, неприятный. Жизель хохотала, запрокинув голову, держась за бока, иногда до слез.

– Болтают, что у меня нет сердца, – Луиза встала и сделала шаг к нему. – А это почти одно и то же. – Другой, третий, на цыпочках по стеклу, по щепкам, по обрывкам бумаг, по прохладным глиняным плитам пола. На ступне чернела татуировка в виде крысиного следа. – Так чего же ты от меня хочешь? Убедиться в этом или в обратном? – Луиза положила ему руку на грудь, не мигая, заглянула в лицо. – Смирись, Дон. Все мы здесь мертвецы.

И он смирился.

Чтобы дверь не скрипнула, ее следовало приподнять в петлях, вверх и влево. И, хотя Борислав спал крепко, раскинувшись на постели и сотрясая воздух не то стонами, не то банальным храпом, Луиза всегда старалась не шуметь.

Сапоги с подкованными каблуками она несла в руках, пока не оказалась у выхода на улицу.

Утро было ранним: еще можно было застать туман, стелющийся по бледной траве – он плескался в мелком пруду, ползал по камням дорожки, ведущей к порогу дома, занятого Доном. Прохладно.

Вместе с солнцем вернется ненавистная жара.

Картель Милошевича расположился на территории старинного поместья, которое он приобрел взамен проклятой Белой Усадьбе. Здесь было больше земли и больше открытого неба. Меньше тени.

Вдалеке кто-то громко считал до двух, раз за разом. По голому полю бегали мужчины, нарушившие устав. Армия наемников оказалась таковой не только по числу бойцов, но и по внутренней организации.

Луиза села на крыльцо, обулась, постучала каблуком о ступень и пошла прочь, запахнувшись в синюю куртку, вышитую цветами и ликом Санта Муэрте. Лу не могла заставить себя расстаться с ней, пока все не будет кончено.

В безлюдье и в тумане легко ощутить себя призраком, духом без плоти и голоса. Это чувство не оставляло Луизу и днем – мало кто стремился обменяться с ней словом или взглядом.

Поначалу, когда она только присоединилась к картелю, находились смельчаки и глупцы, которых будоражила ее дурная слава. Они набивались ей в учителя по стрельбе, по рукопашному бою или по вождению мобилей, но вскоре остывали и отдалялись. Быть может, им нашептывали, где и с кем она проводит ночи, а может, Луиза сама их отталкивала. Вторым вариантом нравился ей больше.

О Луизе много трепались. Говорили, что у нее нет сердца, что она ненормальная. У них были на то основания: каждый видел, как она швырнула под ноги Борислава голову собственного брата. Но если сердца нет, то что же то стучит еле слышно, то колотится, как сломанный механизм под стеклянной мембраной хронометра? Что сжимается так болезненно, стоит нахлынуть воспоминаниям?

Люди превозносили пряничный образ, навязанный продавцами сладостей. Не вместилище человечности и любви – всего лишь мышца, узел волокнистой плоти, толкающий по телу кровь.

Безумие объяснило бы ее поступок. Но что есть безумие, как не силки повторяющихся мыслей?

О, этих мыслей было много, они неслись по кругу каждую минуту, когда она бывала не занята ничем; они и утомляли, и придавали сил, разрушали и создавали ее заново.

Тысячи, тысячи, тысячи раз.

В них были Чайка, Доротея и Вендель. Их общий путь во тьму.

Всего нескольких слов хватило бы Доротее, чтобы предотвратить все это. Но она лишь улыбалась уголками точеных губ и качала головой. Наивная девчонка, надеялась спасти себя и Венделя от бандитской доли.

Одного письма, одной лишь краткой встречи хватило бы Чайке, чтобы объяснить свои намерения. Они с Луизой объединили бы усилия, но с открытыми глазами. А Борислав мог бы увезти свою женщину из Белой Усадьбы сразу после того взрыва, тогда брат бы нипочем не добрался до нее.

Чего не хватало Венделю, Луиза не могла понять. Может, того самого придуманного ювелирами и кондитерами сердца, которое сказочным образом не дает человеку стать монстром.

Его образ навещал Луизу чаще других. В ее рваных снах он был то живым, то мертвым. Однажды девушке даже привиделось, будто не она, а он запускает ей пальцы в волосы, заносит лезвие и рубит, рубит... Но истинным кошмаром были сны, в которых он казался любящим братом.

– Что же ты натворил, Вендель? Что мы натворили? – прошептала Луиза тающему туману.

Разум твердил, что он сам искал смерти, шел по ее следу. Если не Луиза, так кто-то другой сделал бы то же самое. Но никакого «другого» не было. Только она и дела рук ее.

Убийца, убийца, братоубийца. Слово, повторенное губами и в мыслях множество раз, обычно размывается, превращается в набор бессвязных звуков. Но этого не происходило.

Лишить человека жизни бывает легко, а осознать это – нет.

Луиза вдруг очнулась и поняла, что уже давно стоит, обхватив взмокшими ладонями щеки, натянув кожу. Безумие было где-то близко, всматривалось в девушку ее собственными глазами.

Холодно. Холодней, чем должно быть майским утром в Иберии.

Может, ее нынешняя жизнь была только сном разума в умирающем теле, может, считанные секунды наяву обращались иллюзорными месяцами? Иногда она думала, что если бы не Борислав, ей бы приходилось вскрывать себе кожу, чтобы убедиться в обратном. Он ведь так и сказал этой ночью: «ты будто мертвая». Но она посмеялась над ним и вновь утянула в свою бездну, в свой ледяной Хель.

В одну постель ведут разные пути. Их привели общая ненависть и общая вина. Милошевич был ее наказанием, а она – его.

Луиза потеряла глаза, с усилием расправила плечи и направилась к большому ангару, одному из нескольких, наскоро сколоченных из еще не потемневших досок. Ей необходимо было поговорить хоть с кем-то нормальным. В квадратах окон желтел свет. Нильс в тот час спал крепким сном честного головореза, но были еще двое, кто не отводил глаз при встрече.

Охрана пропустила ее через пост без лишних вопросов, дверь не была заперта.

Толкнув ее, Луиза окунулась в запахи машинного масла, раскаленного металла и еще чего-то неживого, но почему-то уютного.

– Эй, полуночники! Все оторваться не можете от своей гранд-дамы?

Обычно в ангаре царили рабочий хаос и оживление, но в столь ранний час здесь можно было застать только Линкса и Рехта. Их вдохновенная возня с дирижаблями и их оснащением часто затягивалась за полночь, а то и до полудня.

«Хоть кто-то занимается тем, что любит» – подумалось Луизе.

Братья оторвались от чертежей на мелко-клетчатой бумаге, в несколько слоев покрывавших верстак.

– О, Луковка. Салют! Опять не спится?

– Не спится, – от старого прозвища потеплело в груди. – Даже не знаю, кто сейчас может спать.

– А, эта ваша так называемая решающая встреча, – забубнил Рехт, но Линкс его быстро одернул.

– Не слушай его. Мы понимаем, хотя нас там и не будет. Чего только стоило организовать ее!

– Да уж, – протянула Луиза.

Разговор не клеился. Она облокотилась на тиски, привинченные к верстаку, и принялась аккуратно перелистывать чертежи.

Шла война, в которой Луиза больше принимала участие головой, чем руками. Она знала об осадах и открытых сражениях, о штурме бывшего склада с боеприпасами, о нанятых корсарах, призванных выкрасть очередной груз оружия из Кантабрии. Она видела карты, присутствовала на совещаниях и сборах, читала списки убитых.

Поначалу ее снисходительно терпели, потом затыкали, а много позже начали прислушиваться. Пользуясь опытом налетов, Луиза помогала планировать диверсии бойцов Борислава

и держала под контролем его письма, добавляя в них толику дипломатии – не хотела, чтобы Дон своей резкостью завел всех в волчью яму. Второго Венделя ей было не нужно.

Однажды им пришлось спешно перебираться в запасное убежище, потому что армия альгуасилов, регулярная, а потому весьма опасная, должна была нанести удар по территории Милошевича.

Тот, не сразу и нехотя, поделился своими истинными планами. Борислав хотел пронести идеи Мейера в Иберию, переделать страну по образу, который описывал бывший президент. Вот только Дон пошел другим путем: путем железных дорог, денег и наемных солдат. К чему это его приведет, Луиза не знала, и ей почти не было любопытно.

Ее интересовала только мучительная смерть Сильвио Мартинеса, алькальда Фиеры.

У Милошевича была собственная мишень в человеческом облике – Якоб Краузе. Было уже не так важно, кто из них запустил с обрыва ком взаимной ненависти, но когда Луиза узнала, что Якоб связался с алькальдами, то больше не сомневалась в его вине. Бывшие товарищи из Комитета не поделили какие-то доверенности, деньги, земли. Луизу это не слишком трогало. Все суeta и пыль, когда на кону человеческие жизни.

«Решающая встреча», как походя называли грядущую операцию Братья, должна была положить всему конец. Истощение обеих сторон было очевидным и, путем долгой переписки и переговоров, было решено подписать договор о мирном разделении сфер влияния.

Опять пустые слова: будто мир здесь задержится надолго.

– Я слышал, – окликнул ее Линкс, – все должны быть безоружными, когда войдут в тот дворец.

– Не дворец. Просто большой и когда-то богатый дом одного из алькальдов, – рассеянно отозвалась Луиза, разглядывая необычный набросок. На нем была человеческая фигура в падении, за спиной у нее расправлялись широкие крылья. – Что это?

Линкс тут же отвлекся, и глаза его загорелись:

– О, это непростая штучка! Руку на отсечение даю, таких еще никто не делал! Вот представь, Луковка, что дирижабль подбит с земли. И падает.

– Так себе перспектива.

– Для аппарата – да, – подхватил Рехт, – но у людей будет шанс спастись. Мешок с полотняными крыльями будет крепиться за спиной каждого пассажира, а потом они выпрыгнут, развернут его и – пфу-у! Полетят!

– Ага! А форма крыльев даст возможность приземлиться не на камни, а на приветливую зеленую лужайку, поросшую ромашками и лютиками.

– Прямо навстречу тем, кто стрелял с земли, – заключила девушка. Лужайка с цветами превратилась в пожарище.

Рехт фыркнул и выдернул набросок из ее рук.

– Балда! Для того и нужно управление полетом!

Луиза почти улыбнулась. Только старые друзья могли говорить с ней так.

– Ты уже решила, что будешь делать после той встречи? Ведь это, ну, типа... все, – Линкс даже вспотел, подбирая выражения, но не из страха, а, скорее, из нежелания ранить. – Ты только ради нее стала... Э-э, присоединилась к герру Милошевичу.

В мыслях Луизы после встречи была черная пустыня неизвестности, куда она уйдет, едва прольется последняя капля крови. Но Братья смотрели на нее выжидательно, будто от ее слов что-то зависело.

– Еще не думала. Планов у меня нет. Если останусь в живых...

– Вернемся домой, а? – перебил ее Рехт.

– Домой?

– В Кантабрию, в Хёстенбург. Ну, то есть, пф-ф... Дон, он неплохой мужик. Платит хорошо, спрашивает по справедливости, лучший начальник, что у нас был.

– И мы строим дирижабли, как всегда хотели. У нас даже свои ученики есть!

– Но в Кантабрии семья. Семьи наши. Там Инженерная Академия. Денег на ее окончание теперь точно хватит, мы еще гульдену из казино отложили и не тратили, – Рехт по очереди загибал чумазые пальцы с каймой мазута под ногтями. – Потом свою мастерскую откроем и сразу подадим заявку в Дом Мастера, чтобы в Гильдию приняли.

– А здесь постоянно кого-то убивают, – продолжил Линкс. На его лице с вытаращенными серыми глазами читалась беспомощность. – Пачками! Перед взрывом нашу «Этель» чуть не сожгли. И пауки! Ты видела, какие эти твари тут здоровенные?

– И жарко, как в пекле, – закончил за двоих Рехт. – Нахрен Иберию!

Луиза не знала, рассмеяться ей от этих простодушных откровений или же расплакаться от того, какой пустой была ее собственная жизнь. Но она только кивнула:

– Я подумаю, что можно сделать. Поговорю с Бориславом.

Они еще немного поболтали о дирижаблях и о планах на собственную мастерскую – ни о чем другом Братья больше говорить не хотели.

Утро окончательно расцвело, и Братья, зевая, засобирались на завтрак. Скоро первые подмастерья должны были присоединиться к работе. Луиза поняла, что больше ей здесь делать нечего. Она уже стояла на пороге, когда Линкс несмело окликнул ее.

– Что такое?

– Ночью что-то грохотало в доме Дона. Я слышал, когда выбегал по нужде, – инженер замялся. – Он там не обижает тебя? Не бьет?

Луиза грустно покачала головой.

– Нет, что ты... Нет.

«Иногда мне кажется, что он меня боится», – добавила она про себя, но вслух, разумеется, говорить такого не стала.

Дорога до Малого острова, на котором стоял Кастильо Рохо, заняла почти сутки.

Остров располагался юго-восточнее Берега Контрабандистов и считался нейтральной территорией. Ни один из алькальдов не мог назвать его своей землей, а последнего правителя еще осенью казнили местные жители. О причинах того случая Луиза слышала мало, и они были настолько грязны, что ей не хотелось знать подробностей.

В последнем письме были оговорены основные правила встречи: представители сторон прибывают на остров в один день, чтобы ни у кого не было возможности подготовить ловушку; представители, общим числом не более десяти человек с каждой стороны, обязуются войти в Кастильо Рохо без оружия, холодного или огнестрельного, в чем лично должен убедиться старейшина рыбацкой деревни; в случае нарушения правил встречи одной из сторон, другая имеет право на любые действия для защиты своих жизней; встреча продлится с полудня до заката, после чего ее участники обязуются немедленно покинуть остров. Таковы были основные положения, под которыми Милошевич поставил подпись.

Бухта острова пестрела яркими парусами рыбацких лодок, но в тот день в море никто не выходил. Судна Борислава и алькальдов Берега Контрабандистов встречали на пристани.

Луиза смотрела в смуглые лица жителей деревни – согнутых годами стариков и старух, почерневших от утрат женщин, малочисленных истощенных мужчин и детей – и видела только враждебность. Кто-то глядел исподлобья, кто-то – дерзко и прямо, кто-то отворачивался, матери прижимали детские головы к животам, будто хотели забрать их из мира обратно в утробу. Здесь не жаловали чужаков, а за попытку снова поставить им на спины сапог были готовы убивать. Им недолго удастся держать эту отчаянную оборону, и они это знали.

Тем не менее, деревенский староста дал согласие на визит в Кастильо Рохо.

По широким сходням на причал спустили машины. Борислав и Луиза сошли следом. С ним были семеро его приближенных: законник, секретарь и пятеро предводителей дружин наемников, между делом получившие «генеральские» лычки. Луиза настояла, чтобы взять с собой Нильса. В присутствии бывшего каторжника ей было спокойнее.

Нильс держался поблизости, расслабленный и собранный одновременно, каждую секунду готовый нападать и защищаться.

Они расселись по машинам и покатали по извилистой пыльной дороге вглубь острова. Песок взвился из-под колес и бросился им в лица. Девушка заслонила от него рукавом.

– Везде одно и то же, – начал делиться впечатлениями Нильс, одновременно ковыряя в стальных зубах каким-то гвоздиком. – Дома эти из навоза и соломы, пахнет козами и бобовой похлебкой. А, ну рыба еще, гады морские склизкие. Бабы с усами, все как одна.

– К чему ты это? – отозвалась Луиза.

– Да ты не видишь ничего за пылью, а я вот рассказываю.

– Спасибо, только мне все равно.

– Ну, а я о чем? Посмотреть-то не на что!

– Что, и тебя заела тоска по родине? – устало спросила она.

Нильс цокнул языком и пожал плечами. На ее вопрос неожиданно откликнулся один из генералов, Лидус, уроженец какого-то мелкого южного феода.

– Я вот вернулся бы домой, если бы там такой нищеты не было. Нет ничего прибыльнее войны, а там даже воевать не с кем. И земля тощая, как мой первый кошелек. Подался я в банду. Врываемся мы, значит, в дом к фермеру, а у него дети с голоду умирают, животы распухшие, а глаза огромные, будто сейчас выпадут. Ты вот видела, как это бывает?

Луиза покачала головой, закусив губу.

– А я видел. И оттого бежать хочется, да подальше, в самую кровавую канитель... Только бы тот дом пустой, холодный забыть.

Лу не знала, что ответить. Иногда ей казалось, что она уже видела самое ужасное. Но каждый раз жизнь с усмешкой подбрасывала ей карты все крупнее.

Машины подъехали к воротам усадьбы, которую венчал Кастильо Рохо – жемчужина и сердце всех бед Малого острова.

Дворцом его можно было назвать с большим снисхождением: всего два этажа из красного кирпича, крышу, устланную карминной черепицей, венчал купол обсерватории, треснувший, как яичная скорлупа. Подворье большое и запущенное – некогда ухоженные розовые кусты местами торчали почерневшими остовами, а где-то тянулись слабыми побегами у самой земли. Колонны до балкона наверху увил плющ, а сверху к нему тянулись плети бегоний; дикий виноград душил садовые скульптуры. Застекленный эркер под балконом украшала лепная фигура сирены – тоже красной, оттенка сепии – она разводила округлыми руками над аркой, страдальчески закатив глаза, будто оправдываясь за все ужасное, что происходило или могло произойти под крышей этого дома.

Луиза вышла из мобиля и отряхнулась от пыли. Они шли к этому дню всю весну, и они дошли. Девушка глубоко вздохнула, и по венам словно разлилось жидкое олово. Ей было легко, и в то же время она будто была вне своего тела: плоть без страстей, дух без сомнений. Жаль только, что нельзя остаться такой навсегда.

У ступеней их уже ждал деревенский староста: высокий мужчина в годах с уродливым рубцом через щеку и подбородок. Его голубые глаза холодно наблюдали за прибывшими из-под черных бровей, рот с выступающей нижней губой неприязненно кривился.

– Они уже внутри, вошли час назад, – вместо приветствия сообщил он Бориславу.

– Мы опоздали?

– Нет. Они прибыли раньше.

Борислав кивнул, совершенно не удивленный тем, что условия встречи нарушались еще до ее начала.

– Я должен вас досмотреть. Мы ведь не хотим проблем.

После второго кивка, староста подозвал помощника, ранее ими не замеченного. Вдвоем они спешно ошупали полы легких курток, рукава и штанины. Луиза не стала исключением, хотя ей уделили меньше внимания, и припрятанное на сердце там и осталось.

Нильс, повозмущавшись для виду, выложил на подставленную мешковину четыре ножа с деревянными и костяными ручками. Девушка наблюдала за этим спектаклем отстраненно, олово в ее крови вытесняло все эмоции.

Она чуяла свою цель: Сильвио Мартинес был близко. Алькальд Фиеры будто распространял гнилостный запах, который невозможно было с чем-то перепутать. Пусть не он сам задумал, как сгубить ее близких, но он лгал с помоста жителям города, он отдал приказ о повешении, он сделал так, что разъяренный Вендель понесся в Белую Усадьбу, чтобы погибнуть там.

Борислав никому не отдаст Краузе, но жизнь Мартинеса принадлежала только ей.

«Сначала я прострелю ему обе руки, – рассуждала Луиза. – Да, руки. Тогда он не сможет выстрелить в ответ».

После досмотра ихпустили внутрь Кастильо Рохо. Там царили те же запустение и разруха, что и в саду вокруг. Держась позади, Луиза осматривалась на ходу. Окна первого этажа были выбиты и находились близко от пола – отличная позиция для стрелков. По вспухшему паркету перекатывались иссохшие прошлогодние листья. Когда эти листья еще были почками на ветвях, дорогие ей люди были живы. Мраморная лестница без перил широкой спиралью уходила на второй этаж. Процессия двигалась дальше, мимо оранжереи, полной сорняков и диких цветов. Хорошее место для засады.

Отметив про себя еще пару слабых и сильных точек первого этажа, Луиза вслед за всеми вошла в зал западного крыла. На стенах округлого помещения лежали широкие мазки сажи, но других следов пожара не было.

«Когда они пришли за своим алькальдом, у них были факелы» – решила Луиза.

– Вы опоздали, сеньор Милошевич, – пронзительный мужской голос вспорол воздух.

Луиза оторвалась от теней прошлого и посмотрела в глаза тем, кого ненавидела.

– Не знаю, как у вас в Кантабрии, но у нас подобное нарушение договоренности считается оскорбительным.

Пятеро алькальдов в одинаковой песочной форме с золотыми галунами и эполетами, в одинаковых черных сапогах для верховой езды, начищенных до жирного блеска, сидели в креслах, оставшихся от господской обстановки. Некому было оберегать мебель от солнца и сырости после погрома, и белая краска лепестками сползала с дерева.

Их лица были разными, но Луиза не стремилась запоминать их. Ей было довольно знать имена, мелькавшие в разговорах и письмах. Старые или молодые, худощавые или утопающие в складках – не имело значения. Главное, что среди них был Мартинес. И он смотрел прямо на нее.

Узнал.

Все остальное стерлось, укрылось блеклым дрожащим маревом. В зале остались только он и она.

«Сначала я прострелю ему обе руки, – повторила как молитву Луиза. – После – обе ноги».

– У нас в Кантабрии, как и в остальном мире, считается оскорбительным нарушать оговоренные условия.

В ответ ему раздался беззаботный смех. Что-то было не так.

– Где ваши сопровождающие? – Луиза скрестила руки на груди. – Вас только пятеро. Если это провокация...

– Дон Борислав, мой вам совет, – перебил ее полный алькальд с лоснящимся лицом цвета корицы. – Научитесь затыкать свою подстилку, иначе вас не будут уважать ни в Иберии, нигде.

Мартинес гадко усмехался, не отрывая от девушки взгляда.

– Не имеет значения, кто из моих людей это сказал, – возразил Борислав ледяным тоном. – Переговоров не будет, пока я не увижу ваших солдат или кто там с вами. Вы подписывали бумаги.

– Ох, эти ваши северные порядки! – Все тот же тучный алькальд развалился в своем кресле и закинул ногу на ногу. Сапоги скрипнули. – Чужакам никогда не понять, как здесь делаются дела. Именно поэтому вам, сеньор Милошевич, и не удастся здесь зацепиться. В конце концов, вы не идальго, – он поднял руку и щелкнул пальцами, звук орешком отскочил от стен и свода потолка. В тот же миг раздался звук множества приближающихся шагов. – И мои советы вам уже не пригодятся...

Его последние слова утонули в стуке подкованных каблуков. Борислав резко дернул Луизу за плечо и заслонил собой. Рядом тут же оказался Нильс с ножом в руках – где только прятал? – генералы армии наемников встали спина к спине. Секретарь страшно побледнел и покрылся испариной, законник в смехотворной ярости прижимал к груди портфель с бумагами. Сердце Луизы колотилось в унисон с нарастающим громом шагов.

Уголки ее губ сами начали растягиваться в оскале.

Стены ротонды распахнулись, как коробочка мака. И то, что можно было принять за декоративные ниши, оказалось несколькими скрытыми дверьми, через которые в зал хлынули альгуасилы, вооруженные винтовками. На беглый взгляд их было около четырех дюжин.

Они окружили их маленькую делегацию и застыли, наставив на них штыки. Луиза вспомнила: таким же штыком закололи Иоганна Линдберга, и с тех пор ее жизнь понеслась под откос.

– Я знал, что каждый из вас законченный подлец, – повысил голос Борислав, хотя в зале и без того было тихо. – Но такого все же не ожидал. Вы грубейшим образом нарушили соглашение! Раз ваша уже взяла, потрудитесь объяснить, что это значит.

Тут Мартинес осмелел и подался вперед.

– Любезный Дон, никто не нарушал ни одного из пунктов соглашения. Там ясно сказано, что делегация от каждой стороны состоит не более, чем из десяти человек.

– Но там не указано количество сторон, – закончила Луиза.

Мартинес ее услышал.

– Именно так, сладкая. Каждый из нас пятерых может считать себя полноправной стороной конфликта, и каждый привел по девять своих солдат. Все честь по чести, можете спросить об этом деревенского старосту. Хотя, это уже лишнее.

Его высказывание снова поддержали хохотом. Луиза не сдержалась и тоже захихикала. Борислав покосился на нее с осуждением, будто она непристойно повела себя на светском рауте.

– Я вижу, никаких переговоров не будет...

– Наконец-то мы друг друга поняли, – кивнул полный алькальд, оглаживая двойной подбородок. – Местные позаботятся о похоронах.

– В таком случае, я в полном праве воспользоваться третьим пунктом нашего соглашения, и могу защищаться, как посчитаю нужным, – пророкотал Милошевич и с этими словами сорвал с шеи небольшой металлический цилиндр, который никоим образом не походил на оружие, и швырнул его под ноги альгуасилам.

Солдаты алькальдов в растерянности отшатнулись и замерли, ожидая приказов. Из цилиндра, повинувшись неведомой реакции с воздухом вокруг, начал вырываться густой пурпурный дым. За секунды он заполнил зал до самых окон, лизнул мутные стекла и сквозь трещины в них потек наружу.

– Что за фокусы?! – взревел кто-то из алькальдов.

Луиза натянула на лицо шейный платок, Нильс вложил ей в пальцы рукоять ножа. Еще одного.

– Да где ты их прячешь? – прошипела она.

– Тебе лучше не знать, – рявкнул говорез. – Пригнись!

В окна ротонды полетели камни. Нет, не камни, булыжники, выкорчеванные из сада Кастильо Рохо. Уцелевшие стекла посыпались в зал, исчезая в пурпурном тумане.

Вслед за стеклами внутрь начали врываться мужчины Малого острова, вооруженные, чем боги послали: у кого-то были вилы, у кого – огромный тесак для разделки акульих туш. Луиза разглядела несколько топоров, раскладные кинжалы наваха и даже антикварное ружье. Гордые люди Малого острова не афишировали, сколько боеспособных мужчин живет на их земле, а чужаков встречали одни женщины, дети и старики. Крепкие, закаленные морем рыбаки готовились выместить свой гнев на тех, кого презирали более всего – на алькальдах.

Не зря Луиза уговорила Борислава заранее посетить этот остров и донести до его людей свои взгляды на власть народа, как это делал Комитет. Не зря она вспомнила, как Братья несколько раз использовали цветной дым, чтобы запутать врагов и подать сигнал. Олово в ее венах раскалилось.

Рыбаки схлестнулись с солдатами. В воздухе засвистели пули, черный пороховой дым смешался с пурпурным. Акулий тесак вошел альгуасилу прямо между глаз, мужчину из деревни проткнуло одновременно несколько штыков. Командиры наемников в рукопашную расправились с ближайшими бойцами, захватили их оружие и ринулись в бой. Все же не зря Борислав платил им щедрое жалование.

Нильс оттеснил Луизу к стене, а сам рванул в самую гущу сражения. Девушка проводила взглядом его спину в рубашке, потемневшей от пота. Ее верный союзник мог быть счастлив только в битве.

Но Луиза не собиралась отсиживаться в стороне. Перехватив поудобнее рукоять ножа, другой рукой она вынула из корсажа револьвер – металл горел теплом ее тела и был влажным, будто орган, вырванный из-под ребер.

Луиза двинулась по кругу, высматривая Сильвио Мартинеса. Она нашла тела двух алькальдов: наглого толстяка и еще одного, которого так и не удосужилась внимательно рассмотреть – у него был перебит нос и вспорото горло. Еще жив и булькает, но это ненадолго.

Еще одного алькальда приперли к стенке, медленно загоня вилы в брюхо. Его кабаньих визг оглушал, остатки стекол сыпались из ветхих рам.

«Сначала я прострелю ему обе руки, – мурлыкала девушка под нос, не слыша собственного голоса. – Потом – обе ноги. Он никуда не денется».

Наконец, ей удалось разглядеть знакомый профиль. Мартинес стрелял через плечо и прорывался к одной из распахнутых дверей.

– Вот ты где, сладкий, – пропела Луиза.

Она ускорила шаг, но тут же обрушилась на колени – кто-то сделал ей подсечку, и в следующий миг альгуасил занес над ее спиной штык, готовясь обрушить его на девушку. Но Луиза обвила лодыжки нападавшего своими, резко перевернулась, и нападавший упал навзничь. Вскочив на ноги, она отшвырнула его оружие подальше и с размаху пнула солдата в бок носком сапога.

– Пули не для тебя!

Позже она обязательно поблагодарит Нильса за все, чему он ее научил. Пусть в процессе она и заработала немало кровоподтеков, а между уроками едва могла ходить.

Луиза ринулась за Мартинесом. Эхо шагов алькальда Фиеры раздавалось где-то вдали, и она перешла на быстрый бег. В левом боку заныло, закололо, но Луиза не позволила себе поблажки.

«Сначала – обе руки. После – обе ноги».

Миновав скругленный поворот, она разглядела в полумраке измазанную кровью песочную форму с золотыми эполетами. Взвела курок, прицелилась на бегу.

Выстрелила.

Пуля впиалась алькальду в левую руку чуть ниже плеча, прошла насквозь и застряла в белой штукатурке стены. Сильвио взвыл, рука повисла плетью. Но при этом он не сбавил, а только увеличил скорость, будто надеясь на спасение. Глупец.

Она вновь прицелилась.

Тут Сильвио вильнул в сторону, дернул на себя здоровой рукой еще одну дверь. Луиза вновь выстрелила, но промахнулась – пуля засела в распахнутой створке.

– Mierda! – взвизгнула девушка и бросилась за ним.

«Еще четыре пули! Должно хватить» – успокаивала она себя.

Она не знала, куда ведет этот проход, но это знал Сильвио: он надеялся выскользнуть через парадный вход. Только одного не учел алькальд – в холле живой стеной уже стояли жены рыбаков, готовые добивать беглецов. Их вооружение было еще более жалким, чем у мужей, но мрак штормового моря в их глазах заставил Мартинеса попятиться.

– No le tosa! – Луиза подняла руку с револьвером.

Островитянки ей не ответили, лишь перехватили покрепче свои ножи, похожие на змеиные зубы.

Сделав еще два шага назад, Мартинес кинулся к спиральной лестнице, ведущей на второй этаж. На этот раз Луиза не спешила стрелять – слишком ценны были оставшиеся пули.

«Сначала – обе руки. После – обе ноги. А потом его повесят на дереве, как собаку».

Охота продолжалась. Девушка неслась, перепрыгивая по две ступени, держа оружие наготове. Позади ей слышались еще чьи-то шаги, но она не придавала этому значения. Важен был только Мартинес и его позорная смерть.

Когда Луиза добралась до верха, то еле дышала от быстрого бега, сердце трепыхалось где-то в горле, но она держалась прямо. Мартинес, зажимая рану, ковылял в сторону открытого балкона, заросшего бегониями.

– Куда же вы, сеньор?! – задыхаясь, выкрикнула она. – Разве пристало благородному идальго бегать от дамы?

Он не отозвался, и Луиза спустила курок. Сильвио закричал громче прежнего и рухнул на одно колено. Песочные брюки выше колена расцветила кровь.

– Разве благородные идальго не должны отвечать со всей учтивостью, когда дама обращается к ним? – рычала ему в спину Луиза.

Еще одна пуля, на этот раз в голень. Мартинес упал на четвереньки. В ушах у Луизы звенело от выстрелов.

– Сукин ты сын, Сильвио Мартинес. Я буду смотреть, как тебя вешают.

Стеная и поскуливая, алькальд Фиеры продолжал ползти в сторону балкона. Безоружный, окровавленный, жалкий.

Девушка взвела курок в пятый раз, едва сдерживаясь, чтобы не наставить дуло на чернявый затылок Сильвио.

Увлечшись своей жертвой, Луиза не заметила, как к ней подкрались сзади.

Кто-то опрокинул ее, и она упала на живот, больно ударившись подбородком. Револьвер выскользнул из вспотевшей руки, а чья-то нога в высоком шнурованном ботинке пнула оружие, и оно заскользило, кружась, в сторону покосившегося роаяля.

– Нильс! Как ты мог?! – Луиза дергалась изо всех сил, но не могла сбросить с себя голову вора. – Предатель!

А Мартинес все полз, будто спасение ждало его на балконе, под открытым иберийским небом.

– Его и так забьют камнями, не пачкайся, – Нильс выкручивал ей руки, пытаясь отобрать нож, который сам же и вручил. В какой-то момент Луизе даже удалось полоснуть его по предплечью, но он только выругался, не выпуская из захвата. – Это не про тебя! Ты не убийца!

– Но я должна его убить!

– Кому?! Ты никому уже ничего не должна!

А Мартинес тем временем дополз до алебастровых перил, украшенных пузатыми вазонами, тяжело хватаясь за них, встал на трясущиеся ноги, запустил пятерню в светлую зелень и достал пистолет. Тайник! Вот куда он стремился, даже истекая кровью. Луиза на миг перестала сопротивляться захвату Нильса, только скалилась и скрежетала зубами.

Придавив заломленный локоть девушки коленом, Нильс вынул из-за пояса свое оружие и наставил его на алькальда.

– Мне-то терять нечего.

– Нет... Только не такие отбросы, как вы, – Мартинес впервые за несколько минут подал голос. – Только не такая падаля... отправит меня на тот свет.

Взгляд алькальда загнанно метнулся к лестнице, по которой взбегал Борислав и двое его генералов.

Мужчина вдавил дуло под выбритый подбородок.

– Adios.

– Нет! – Луиза рванулась в последний раз, но было поздно.

На ее глазах затылок Сильвио Мартинеса взорвался багровым фонтаном. Он пошатнулся, осел на перила и начал заваливаться назад. Луиза зажмурилась, и через мгновение услышала глухой удар, будто мешок с мукой уронили с высоты.

Тиски рук Нильса разжались, один его рукав был напитан яркой кровью. Девушка в оцепенении смотрела, как он раздрает рубашку, глухо ругаясь под нос.

– Нильс.

– Забыли.

– Нет, я...

– Луиза, что здесь произошло? – наконец отошел от потрясения Борислав. – Он напал на тебя? Ты цела?

– Никто на меня не нападал.

С трудом поднялась на ноги – освобожденные от захвата локти ныли. Ни нож, ни пистолет не хотелось брать в руки.

– Что внизу?

– Все кончено.

Кончено. Все ее враги мертвы. Так почему она не чувствует себя свободной? Где та легкость, которую она надеялась обрести? Возможно, должно пройти время. Много времени.

– Там, внизу, нас ждет человек. Я хочу, чтобы мы поговорили все вместе.

– Человек? – эхом отозвалась Луиза, разглядывая собственные ладони. От переживаний они пошли красной сеточкой и мелко подрагивали. На левой руке были брызги нильсовой крови, которую она так легко пустила.

– Да. Идем. Он ждет внизу.

Не задерживаясь, Дон повернулся к ней спиной и стал спускаться по лестнице. А Луиза никак не могла пересилить себя и последовать за ним.

Она оглянулась на Нильса, который все так же сидя на полу, затягивал в полосы рваной рубашки раненую руку.

– Нильс, прости, – еле слышно просипела она. – Не знаю, что на меня нашло.

Бандит зыркнул на нее из-под спутанных светлых волос.

– Зато я знаю, – он поднял перебинтованную руку в побуревшей ткани. – Тебя ждут.

Вся решимость, питавшая ее последние месяцы, растаяла.

– Я...

– Иди!

Глаза зашипало, но Луиза больно закусила губу. Плакать она будет потом, если будет вообще.

Внизу, у подножья лестницы, она обнаружила Борислава, упершего мощные руки в бока, четверых его генералов и законника, похожего на мышь, выжившую при потопе. А напротив стоял...

– Якоб Краузе к вашим услугам, фрекен. Хотя, насколько я помню, мы с вами знакомы. Как вас тогда звали? Фрау Вебер?

Управляющий казино «Эрмелин» выглядел иначе, чем она его запомнила. Некогда полнотелый франт сильно похудел, простая крестьянская роба в грязных разводах болталась на нем, как на огородном пугале. Нос был сильно отекившим, на щеке зеленел старый синяк, а на разбитом подбородке наливался новый.

– Его обнаружили связанным в беседке, – не оборачиваясь, сказал Борислав. – Якоб, я жду объяснений. Чем дальше, тем меньше я понимаю, что происходит.

Якоб страдальчески вздохнул, закатил глаза и потер запястья со следами от веревок.

– Хотел бы я понимать все, что произошло со мной на этой дикой земле, но, боюсь, мои возможности ограничены. Я могу рассказать только то, что видел и знаю, – он несмело покосился на бывшего товарища. – Можем мы где-нибудь присесть? Желательно, в месте, где не придется лицезреть изувеченные трупы.

Милошевич скупо кивнул и повел их всех за собой. Они проследовали через главный вход, откуда крестьяне уже волокли за ноги тело Мартинеса. Лужу темной крови никто не удосужился присыпать песком, и Якоб брезгливо сморщился, переступив через нее.

– Редкостный был козел, – пробормотал он.

Через несколько минут они обнаружили в саду две скамьи, стоявшие друг напротив друга. Борислав занял одну из них, рядом с ним примостился законник, так и не ослабивший хватку на портфеле с бумагами. На другую с тяжким вздохом обрушился Якоб.

– Слушай, не нужно на меня так смотреть. Видишь – я слаб и безоружен, тролль меня подери, и я не собираюсь ничего предпринимать! – Краузе смотрел на бывшего друга как-то по-детски обиженно. – Да, ты взял у меня денег «в долг» и купил на них земли за моей спиной, но с моей липовой доверенностью, чтобы обойти местные законы. Мой титул стал для тебя, маркграфа, отмычкой к этой стране. Когда я узнал об этом, то просто взбесился! Было дело, признаю! Но это местные столкнули нас лбами. Они и Крысиный Король, который давно имел виды на эту территорию. Когда дело дошло до войны, я взбрыкнул, заявил, что не хочу в этом всем участвовать. Боги, дружище, ты же знаешь, я – человек исключительно мирный, пацифист, можно сказать! Мне противно насилие, и я бы все отдал за то, чтобы просто управлять своим игорным домом, а лучше несколькими, – голос Якоба стал тихим, а взгляд задумчивым. – Так вот, когда я стал противиться этому конфликту, то из желанного гостя превратился в пленника. Им нужен был только тот Якоб Краузе, который хотел бы стереть тебя с твоими дорогами и дирижаблями с лица земли. А я не таков! Я хочу договориться. По-дружески, по-братски, как раньше. Ты помнишь?..

Луиза слушала успокаивающую болтовню Якоба, наблюдала, как медленно, но верно ослабляется лицо Милошевича. Шаг за шагом она отступала обратно в сад.

За ее спиной возились островитяне, копавшие большую могилу, где-то на втором этаже Кастильо Рохо Нильс баюкал раненую руку.

Солнце палило, даря жизнь одним цветам и превращая в седую пыль другие.

Ей больше нечего было здесь делать.

– И что же ты, все для себя решила?

– Как видишь.

Разговор был пустой. Фразы, которыми они перебрасывались, могли принадлежать кому угодно, но только не людям, пережившим вместе столько горя.

Прощание затягивалось, но Луиза не переживала, что Борислав внезапно передумает отпускать ее в Кантабрию. Откинув волосы со лба, она наблюдала, как работники заносят багаж на борт дирижабля.

– О чем вы договорились с Краузе?

– Он не собирается здесь задерживаться, – махнул рукой Милошевич. – Политика ему давно неинтересна, землю мы поделили честь по чести, как и железнодорожное дело. Буду высылать ему процент с прибыли, а он – проматывать его в Борджии, где планирует осесть. Такой уж он человек, и всегда им был.

«Так почему же ты подозревал его в предательстве?» – хотела спросить Луиза, но не стала. В конце концов, ее это больше не касалось.

Братья наперебой ругали нерадивого грузчика, уронившего ящик с их инструментами.

Борислав грустно улыбался.

– Поверить не могу, что ты забираешь у меня не только дирижабль, но и лучших инженеров! Им же цены нет!

– Парни хотят домой, – отрезала девушка и поморщилась от собственной грубости. – Я, наверное, тоже. Я устала.

Они немного помолчали, наблюдая за учениками Линкса и Рехта, которых те напоследок инструктировали, как открепить все веревки, удерживающие баллон с газом.

– Ты всегда можешь вернуться, знаешь? – глядя мимо нее пробормотал Борислав.

Луиза покачала головой.

– Это вряд ли. Я столько лет была кем угодно и где угодно, но только не собой и не на своем месте. Думаю, пора это исправить.

Братья помахали им и забрались в кабину. На носу дирижабля зажглись огни, еще яркие в рассветном сумраке. Пухлый мальчишка с двумя фонарями припустил вперед по полю, чтобы подавать сигналы.

– Ты удивительная, Луиза Спегельграф. Не думаю, что когда-нибудь смогу тебя понять, – Борислав протянул ей широкую ладонь, и она благодарно ее пожала. – Могу я попросить тебя о последней услуге?

– Смотря о какой.

– До меня дошел слух, что у хёстенбургских Крыс новый король, некий Одноглазый Уилл. Говорят, он – прожженная бестия, вымогатель и крупный наркоторговец. Я... Мне нужно, чтобы ты с ним встретишься и передала это послание, – он вынул из кармана жилета сложенный пополам конверт и неуверенно повертел его в руках. – И узнала его намерения относительно Иберии. Собирается ли он продолжить дело Теодора или же нет. Ну, в общем...

– Хорошо, эту услугу я могу тебе оказать, – с этими словами она забрала послание и спрятала в рукав.

– Я даже не надеялся, что ты согласишься, – Борислав рассеянно запустил пальцы себе в волосы и отвел глаза. – Но тебе лучше моего удаются такие вещи.

– Не льстите мне, герр Милошевич. Просто так вышло, что наши желания совпадают – у меня тоже есть вопросы к Крысиному Королю.

Братья уже всю сигналили ей через стекло кабины, а Нильс высунулся из дверей и, сложив руки рупором, орал, чтобы она поторапливалась.

– Вот и все, Дон. Будь счастлив, если сможешь.

Он долго еще смотрел в небо, пока силуэт дирижабля не сжался в крошечную точку и не исчез вовсе. На щеке еще ощущалось прикосновение ее сухих губ, но скоро сотрется и оно.

Останется лишь бесконечная борьба за далекую цель и бесконечное же одиночество в центре толпы.

Глава 3. Стальной горизонт

Надпись на этикетке гласила: «Всемирно известная настойка доктора Лау». Под названием раскинулась пышная гирлянда из цветов мака, начертанных тонкими штрихами; из гущи лепестков по самое декольте высывалась черноволосая девица с томными коровьими глазами. Еще ниже этикетка рассыпалась списком: бессонница – шесть капель; нервное истощение – восемь капель; истерия – двенадцать капель. Этикеточная красotka явно не страдала уже ни бессонницей, ни истерией, разве только размягчением мозга, и одно это должно было вселять в пациентов «доктора Лау» оптимизм.

Уголок бумаги отстал от темного стекла флакона самую малость и раздражал, как мелкая соринка в глазу, как невидимая зудящая заноза в ладони. Гуннива поддела отогнутый треугольник этикетки ногтем и потянула.

Сначала шло гладко, но вскоре у нее в пальцах оказался закрученный спиралью узкий обрывок, а маковая девица осталась без магнетического взгляда и улыбки распутницы. Девушка брезгливо стряхнула лоскут бумаги в блюдец с виноградными косточками, а флакон с настойкой отвернула надписью к стене.

Гунниве не хватало воздуха. Вокруг было слишком много людей, а она нуждалась в личном пространстве, чтобы собраться с мыслями. Те, как глубоководные рыбы, боялись света и общества. Но стоило ей оказаться наедине с собой, как мысли-рыбы выплывали навстречу хозяйке и оказывались уродливыми, хищными, готовыми растерзать ее саму.

«Мое лицо – моя броня. Мое имя – мой щит. Мои слова – мой меч. Мое прошлое – разверстый Хель, но оно только мое».

В хрустальной вазе оставалось немного винограда. Гуннива забросила одну ягоду в рот и поправила мягкую накидку персикового цвета, скользившую по шелку пеньюара. Корсет полураспушен, длинные бледно-золотые волосы небрежно заколоты вверх несколькими шпильками, но кому какое дело, в каком виде она коротает сонное утро в собственном будуаре? Пусть неловко будет тому, кто рискнет вторгнуться на ее территорию.

На столе пестрел незаконченный пасьянс. Это нехитрое развлечение славно расслабляло и разгоняло морских гадов по темным норам.

– Что тут у нас, – пробормотала Гуннива, перекатывая во рту виноградину.

Колода была старая, с бархатистыми краями, пахла пудрой и книжной пылью. Фрейлина взяла верхнюю карту и критически ее осмотрела. Королева бубнов. Отрешенное угловатое лицо под золотой диадемой, рыжие косы венцом, квадратный веер в одной руке и скипетр с ромбом в другой.

– Куда же нам тебя пристроить? – Гуннива постучала себя ребром карты по губам. – Не вовремя ты, милая, не вовремя. Нужно было выходить раньше.

С этими словами она отложила королеву бубнов в сторону и еще раз осмотрела все ряды. Жаль, открылись еще не все тузы, тогда пасьянс пошел бы легче. Королева желудей – пышная красавица с каштановыми локонами – уютно устроилась между королем своей же масти и рыцарем сердец.

– Этот треугольник не доведет до добра, – Первая фрейлина подперла щеку рукой и притворно-скупчиво зевнула, как всегда делала, чтобы закончить пустой разговор. – Но кто я такая, чтобы навязывать свои советы?

Только с возрастом Гуннива начала понимать, как полезна может быть дружба с другими девушками, но, казалось, уже была на нее неспособна. В детстве и ранней юности она гордилась приближенностью к принцессе, однако матушка успела вбить ей в голову: угождай, развлекай, держи рот на замке и помни, что однажды от тебя избавятся. Ведь королевы не терпят наперсниц красивей себя.

Гуннива верила герцогине Амберхольд, которая успела послужить фрейлиной при матери Агнесс. Потому, хотя принцесса одаривала ее искренней симпатией, глубоко внутри хранила холодок. Оттого ей была так противна маленькая дурочка Спегельграф, которой, в силу возраста, было плевать на положение, а нужна была сама принцесса и ее внимание.

Такой же подозрительной и отчужденной она оставалась в «Короне», предпочитая одиночество обществу других кокоток, чуть что бросавшихся в драку или пьяные слезы. Когда это происходило, а происходило это часто, фрау Хельга тут же доставала флакон темного стекла и...

В дверь постучали. По особому звуку, с каким кольцо на указательном пальце бьется о дерево, Гуннива поняла, кто нарушил ленивое течение ее утра.

– Одну минуту, Ваше Величество!

Она быстро раскусила и проглотила виноградину вместе с косточкой, завязала пояс пеньюара и запахнулась в персиковую накидку с длинной бахромой.

Агнесс стояла на пороге – бледная, с лиловыми тенями под глазами. По обеим сторонам двери стояла стража, сопровождавшая королеву, но фрейлина не могла их видеть.

– Вы опять всю ночь...

– Да, я... Могу я войти?

Гуннива посторонилась с легким поклоном. Агнесс вошла, нервно перебирая складки жемчужно-серого платья, будто считала себя не вправе вторгаться в любую из комнат этого дворца. Наивность или изящное притворство? Как знать.

– У него опять были боли. Ты знаешь, он очень долго пробыл в беспамятстве и еще дольше просто лежал, подавая мне и слугам сигналы одними веками. А теперь, когда заново учится ходить, то переусердствует, торопится, а потом мучается всю ночь.

Гуннива медленно кивнула в знак того, что понимает, о чем речь.

Антуан Спегельграф шел на поправку. После лечения токами, рискованного, но действенного метода, его рассудок очнулся ото сна, намного опередив тело. Мускулы короля сильно усохли, почти атрофировались, как сказал придворный лейб-медик. После изнурительных тренировок, во время которых он ходил вдоль двух поручней, цепляясь за них, Антуана терзали судороги. Бывало, его крики достигали спальни Гуннивы.

И уже не первую ночь супруга проводила подле него, растирая тощие бедра и голени целебными мазями. Резкий запах эвкалипта и лимона и сейчас облаком окружал ее, полупрозрачную от нехватки сна и отдыха. Агнесс могла переложить все заботы на сиделок, но в ее фанатичной вовлеченности в лечение Антуана было что-то материнское.

Гуннива тяжело сглотнула.

– Не могу спать, когда с ним творится такое, – будто оправдываясь, заломила руки Агнесс. – Я во всем виновата! Нужно было лечь под колеса кареты, но не пускать его обратно в Хёстенбург!

– А что врачи говорят о его прежнем... расстройстве?

– Об этом пока рано судить, – еще сильнее помрачнела королева. – Ведь никто не лечил его раньше, никто не знал, что с ним творится.

– Боги направят его, – Гуннива присела в реверансе.

Агнесс даже не посмотрела в ее сторону. Ее взгляд блуждал по туалетному столику фрейлины, на котором в беспорядке раскинулись игральные карты, ваза с виноградом, пуховка для румян, склянки с духами и «Настойкой доктора Лау».

– Я так понимаю, вы пришли, чтобы я сделала вам прическу и помогла освежить лицо?

– Это тоже. И не только. Гуннива, мне нужен друг.

Сердце Гуннивы сжалось, но она не подала виду.

Она обошла королеву со спины, мягко надавила ей на плечи и усадила на пуф перед большим зеркалом в кованой раме. Кожа Агнесс в отражении казалась серой, в тон платью.

– Вы считаете дружескую поддержку вашего деверя, шефа полиции, недостаточной? Мне казалось, он всецело в вашем распоряжении.

Агнесс дернулась, но Гуннива держала крепко. Она видела, как глубоко уколола свою госпожу, и это принесло ей удовольствие.

– Клемент мне друг, – звенящим от напряжения голосом произнесла королева. – Но я неверно выразилась. Я нуждаюсь в твоей дружбе, какой не может предложить ни один... Ни один...

Гуннива через зеркало подарила ей одну из самых милых своих улыбок.

– Разумеется. Теперь, позвольте, я займусь вашими волосами, а вы расскажете, что вас так беспокоит. Как подруге. Вы только посмотрите, как все запуталось!

С этими словами она потянулась к костяному гребню с резной ручкой.

Агнесс благодарно прикрыла глаза, и фрейлина увидела розоватую сеточку тонких сосудов, расчертивших ей веки.

Гуннива вынула из каштановой копны несколько золотых шпилек и, разделив шевелюру на пряди, принялась поочередно их расчесывать, стараясь лишний раз не дергать.

– Не знаю, устою ли сегодня на ногах, – начала Агнесс. – Еще несколько дней назад война была такой далекой. Я даже надеялась, вести из Гьелана, столицы Олона, так и останутся слухами, но, когда пришло донесение от малоземельной разведки...

– Герр Эрх фон Клокке чудом сумел сохранить там связи.

– Его вклад неоценим! Даже не знаю, как мне отблагодарить твоего дядюшку.

О, да. Эрх появился в нужный час, с нужными картами на руках; ему удалось впечатлеть, опутать и стать незаменимым за считанные недели. Думать об этом было так же противно, как ощущать прикосновение паутины к коже.

– И вот, император мертв, императрица со своими войсками уже вторглась в ближайшие феодалы, и они движутся к нашей границе. Зачем? Неужели ей недостаточно своих земель? Олон ничуть не меньше и не беднее Кантабрии.

– Я слышала мнение, что императрица хочет заполучить выход к Межбрежному морю и избавиться от влияния Старой Империи. Она происходит из их двора, а без мужа стала беззащитна.

– Да, так говорят, – Агнесс рассеянно перекладывала карты на туалетном столике. – А еще она обвиняет в убийстве Ли Мин Сена наших шпионов: Фердинанда Спегельрафа и Юстаса Андерсена, – королева передернула плечами. – Наглая ложь! Если это дело их рук, то действовали они по собственному почину.

– Коварство Судьи не знает границ, – бесцветным тоном отозвалась Гуннива.

«Как и всех его дружков».

– Я знала это, всегда знала, – голос Агнесс стал совсем печальным. – Одного только не понимаю: как женщина может быть настолько кровожадной? Что может так ожесточить ее сердце, что она начнет швыряться чужими жизнями? Ведь наше предназначение...

Гуннива так стиснула ручку гребня, что резьба до боли впиалась ей в ладонь.

Но Агнесс вовремя осеклась. Или просто потеряла мысль, впад в полудрему. Пока она молчала, Гуннива успела заплести локоны госпожи в три свободные косы и, перевив их вместе, создать пышный узел. Фрейлина потянулась за склянкой с миндальным маслом, чтобы сбрызнуть им тусклые волосы королевы.

Агнесс очнулась от перезвона флаконов.

– Я, кажется, заснула. О, боги! – с этими словами она принялась щипать себя за щеки. – Захария Йохансон прибудет сегодня в полдень! Я должна быть готова!

– Вы поедете в порт?

– Нет. Сам Йохансон старший прибудет во дворец, а прибытие его флота мы будем наблюдать с балкона. Там уже установили необходимую оптику.

О том, что отец Петрика Йохансона – бывший глава Дома Весов, богатейший человек страны, промышленник, меценат, филантроп и прочая, и прочая – решил помочь короне в грядущей войне с Олоном, Гуннива услышала даже раньше Агнесс. Захария провел последние два года на Альбионе, не желая сотрудничать с Мейером, хотя многие считали, что он отошел в сторону, чтобы дать дорогу своему наследнику.

– Теперь займемся лицом Вашего Величества, – не терпящим возражений тоном заявила Гуннива. – Простите за дерзость, но вы будто из Хельхейма вернулись.

Из ящика туалетного стола появилась баночка легкого крема, шкатулка с пудрой и расписная коробочка с румянами. Агнесс покорно подставила лицо рукам фрейлины.

– Это ничего, Гуннива. Друзья должны быть честны со мной, ведь так?

– Разумеется.

– И я с ними.

– Как пожелаете.

Королева нахмурилась.

– Я так сильно обидела тебя?

– О чем вы, Ваше Величество? Я счастлива быть рядом в дни, когда...

– Не надо, – Агнесс легко накрыла холодной ладошкой пальцы Гуннивы, сжимающие пуховку. – Я знаю. Тебе было так больно, а я... Я просто не знала, как поступить, на меня давили, вот и... Я понимаю.

«Ничего ты не понимаешь!»

Больше всего фрейлине хотелось смести со стола весь этот фарфор, стекло, лицемерные рожи карт, растоптать виноград и душистые притирания.

«Ничего ты не понимаешь! Ничего! Что ты можешь понимать, нецелованная, нетронутая? Что ты можешь знать о моей боли, о моих потерях?!»

Злая слеза была стерта, так и не сорвавшись с ресниц.

– Спасибо... Агнесс. Когда-нибудь я справлюсь. Переживу.

– Ты очень сильная. Я восхищаюсь тобой, правда.

Гуннива проглотила откровенную ложь с улыбкой.

– Ну, вот вы и готовы принимать герра Йохансона!

– Только внешне, – вздохнула Агнесс. – У меня внутри все дрожит. Пальцы немеют.

– Это нервы.

– Да, нервы, – она бросила быстрый виноватый взгляд на флакон темного стекла. – Знаешь, я слышала, тебе назначили некое лекарство... Которое унимает тревоги. И я подумала...

– Почему вы не обратились к вашему личному врачу? Он выпишет рецепт.

– Я не хочу, чтобы кто-то узнал о моем недомогании.

«Ты всего лишь не хочешь, чтобы твое имя трепали, как мое».

– Понимаю, – это слово уже успело набить оскомину, но Гуннива произносила его вновь и вновь. – Это «Настойка доктора Лау», ее делают из цветов мака и других трав.

– Звучит красиво. А как ее принимают?

– С величайшей осторожностью. Вам не следует употреблять больше четырех капель, чтобы снять напряжение. Их растворяют в воде или молоке, можно добавить немного патоки, чтобы не было противно на вкус.

– Я попрошу, чтобы мне ее доставили, – неуверенно протянула Агнесс.

– Чтобы вся ваша конспирация рухнула за минуту? – Гуннива позволила себе громко фыркнуть и поджать губы. – Возьмите мой флакон, мне он уже не нужен.

– Уверена?

– Более чем. Мы ведь подруги.

Королева порывисто поднялась с пуфа и обвила мягкими руками шею фрейлины. Справившись с удивлением, та сцепила пальцы на спине своей госпожи.

– Спасибо тебе! И прости, прости меня, – бормотала Агнесс. – Вокруг одни лицемеры. Я держусь изо всех сил, чтобы только они не разглядели, какая я на самом деле. Я бы ни на кого тебя не променяла, ни за что! И я скорблю вместе с тобой, пусть даже ты этого не видишь.

Спустя несколько минут, когда Гунниве удалось успокоить и выпроводить из своих комнат Агнесс Линдберг, она вновь села у зеркала.

В старинном стекле отражалось ее повзрослевшее лицо, все еще опасно-красивое, но уже не первозданно-свежее. Кончиками пальцев она очертила линию подбородка, уголки век, округлила полные губы и чуть потянула вверх кожу под изгибом соболиных бровей. Время еще есть, как и сказал дядюшка Эрих.

Место, ранее занятое флаконом темного стекла, пустовало. Как и место под ее сердцем.

Последний крик неистовой боли еще трепетал над кроватью, запутавшись в складках балдахина. Она так сильно стискивала гладкие перекладки изголовья, что ногти пропоролли кожу обеих ладоней, но она все равно боялась разжать руки. Собственное хриплое дыхание обжигало губы.

– Сейчас, сейчас, деточка!.. Сейчас-сейчас!

Шлепок, новый крик. Не ее. Сердитый, громкий вопль, режущий без ножа.

– Вот ты ж! Я уж чуть было со страху... Ты ж мой золотой! Ты ж мой принчик ненаглядный!

Гуннива тяжело откинулась на подушки. Они были мокрыми. Горячая влага пропитала всю кровать: пот, кровь и прочие спутники женских мук. На несколько минут сознание покинуло ее.

– Ну, погляди, маманя, какой у нас тут наследничек!

Гуннива вздрогнула, приоткрыла веки. Нечто грязно-розовое дергалось в коконе белых тряпок на руках у повитухи, не прекращая голосить как маленький демон.

– Держи! Что смотришь, глупая? Руки-то протяни, вот так! Не укусит, зубов-то нет ишшо. Выпростав из рубахи титьку да сунь ему в рот. Вот! Слава Фрейе, здоровенький, большой! А хохолок какой черный! В папеньку?

Гуннива молча смотрела на притихшее существо, примостившееся на ее животе и прильнувшее к груди так естественно, будто форма ее тела была приспособлена именно для этого момента. Она смотрела на мягкий, будто зашпинованный нос, слипшиеся глаза и клок черных волос, прилипший к большому щенячьему лбу, не до конца отмытому от ее крови.

Меньше всего ребенок походил на младенца-купидона, чьим изображением украшали настенные росписи. Но Гунниву это не разочаровывало. Она слишком устала, чтобы испытывать хоть что-то, кроме облегчения. Будто в такт ее мыслям, ребенок коротко фыркнул, не выпуская сосок из беззубого рта. Боль отступила и затаилась.

– Маленький тролль, – шепнула Гуннива, и губы сами растянулись в улыбку.

Время для нее остановилось. Она и ребенок дышали в едином ритме, как и много месяцев до этого. Ей было непросто: руки не привыкли к тяжести, но Гуннива боялась сменить положение, чтобы не потревожить младенца. Она не замечала, как повитуха и горничные выдернули из-под нее кровавые простыни и подложили новые, как брэнчал таз с водой, звякали инструменты, заворачиваемые в холстину. Все вокруг перестало существовать, и она даже ненадолго задремала.

Разбудил ее сердитый мужской голос с чужестранным акцентом, раздавшийся из-за полога:

– Это возмутительно! Кто впустил эту шарлатанку?!

В ответ ему раздался сбивчивый шепот старшей горничной.

– Я ехал всю ночь! У меня столичная практика, диплом Академии, – не унимался мужчина. – Как вы посмели?! А вы? Вы хоть руки помыли?! Инструменты продезинфицировали? Если герцогиня умрет от заражения, вас ждет тюрьма!

– А ты б еще дольше шарохался, – шипела в ответ повитуха. – Я рожениц сорок лет пользую, только дюжина младенчиков и померла! А молодух и того меньше.

– Убирайтесь! Я должен осмотреть герцогиню, пока причиненный вред не стал необратим.

– Никуда я не пойду, покуда мне не заплотят.

– Пшла вон, ведьма, или я прикажу тебя вывести!

– Не хорохорься, лысый, не ты тутошний хозяин!

Хлопнула дверь, ребенок недовольно заворчал и зашевелил ручками. Гуннива прикрыла оголившиеся живот и плечи младенца простыней.

– Хвала богам, ушла. Деревенщина! Чем она лечит воспаления? Отваром из куриных когтей? – грохнул о стол тяжелый саквояж. – Вы уже передали ребенка кормилице? Как нет?!

Полог, отделявший пространство кровати от комнаты, распахнулся. Гуннива дернулась, заслонила лицо от яркого света. Ребенок оторвался от груди и заплакал.

– Приказ графа фон Клокке, Советника, – захлебнулся доктор. – Фрекен!

Рядом с ним возникла горничная в чепце с оборками.

– Ваша Светлость, позвольте, – сказала она и потянулась за младенцем. Тот сморщился еще сильнее и заголосил громче, предчувствуя недоброе.

– Самоуправство! Вы хоть понимаете, что это дело государственной важности?

– Ваша Светлость, прошу вас.

К Гунниве наконец вернулся дар речи:

– Нет, подождите, я передумала. Позовите дядю! Позовите Эриха фон Клокке! Скажите ему, что я передумала!

– У нее истерика, не обращайтесь внимания. Граф придет к вечеру.

Детский писк ввинчивался в уши. Доктор морщил высокий лоб и тер виски.

– Я в своем уме. Уберите руки! Вы пугаете его!

– Все женщины после родов нестабильны психически. Это пройдет. Фрекен, слушайте мой приказ или вас сегодня же рассчитают.

Горничная колебалась.

– Пожалуйста, – одними губами произнесла Гуннива.

– Фрекен! Возьмите, наконец, младенца!

Сильные руки служанки, привычные таскать полные ведра угля и воды, с легкостью отбили ее слабые взмахи и отобрали ребенка. Гуннива рванулась следом, но низ живота и все внутренности будто исполосовали лезвием. Ее не держали даже подогнутые колени. Из последних сил она вцепилась в серый подол горничной.

– Ваша Светлость, это для вашего же блага! – гнусаво увещевал доктор.

– Его имя Амадей, слышите? Амадей! И я уже через час верну его, а вас вышвырнут отсюда без рекомендаций!

Горничная, одной рукой придерживая ребенка Гуннивы, другой выдернула подол из ее хватки и поспешила к дверям.

– Ваша Светлость, не извольте беспокоиться, – доктор промокнул платком лысину в обрамлении седых кудрей. – Кормилицы для дам вашего положения – обычная практика. Они берут на себя все самые неприятные заботы, оставляя благородным фрау только радости материнства. Теперь прилягте, мне нужно вас осмотреть. Может быть сильная кровопотеря, разрывы...

– Так мне вернут его?

– Ну, разумеется, разумеется, – доктор покопался в своем саквояже и вернулся с флаконом темного стекла и латунной ложкой. – А теперь примите эти капли. Это против воспаления.

Она очнулась, когда уже стемнело. Горло раздирала жажда, ныла отяжелевшая грудь. Спустя несколько минут пришло понимание.

На ощупь нашла на прикроватном столике колокольчик и позвонила. Горничная, совсем еще девочка, явилась быстро – видимо, караулила за дверью. Гуннива потребовала принести ей воды и сына. Немедленно.

Питье обнаружилось в спальне. Девчонка наполнила стакан и исчезла в коридоре.

Гуннива проглотила воду, едва заметив лекарственный привкус. Подтянулась в кровати, пригладила сбившиеся колтуном волосы и пожалела, что не попросила ни щетки, ни ручного зеркала.

– Малыш должен видеть, какая я у него красивая, – бормотала она, пытаясь привести себя в порядок. – Амадей мой сын, в конце концов, и он будет расти как сын герцогини, вдовы премьер-министра. Агнесс это устроит, не откажет мне. Все самое лучшее. Разве не могу я передумать? Могу. Проклятый старикашка! Кому какое дело?..

Когда дверь скрипнула вновь, Гуннива была готова. Она расправила простыни и ночную рубашку, а наспех сплетенную косу перебросила через плечо. Но это была не горничная с ребенком, а дядюшка Эрих. Гуннива мигом натянула покрывало до самого подбородка.

– Вы!

– Мне сказали, ты желала меня видеть еще днем. Как самочувствие, душечка?

– Сейчас я послала за сыном. Его нужно покормить, так что покиньте мою спальню. Мы с вами поговорим утром.

Эрих ухмыльнулся в густые усы, неспешно подошел к окну и опустился на кресло напротив кровати.

– Гуннива, душечка, я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушала. Если опять впадешь в истерическое состояние, то предупреждаю сразу – доктор еще не уехал, а он эксперт по женским нервным болезням.

Гуннива стиснула зубы, чтобы грязнейшие ругательства, которых она знала немало, не вырвались наружу. Одно неверное слово – и ее снова напичатуют успокоительными, после которых она будет безмятежно пускать слюну в подушку, а ее сына...

– Вот и славно, кошечка моя, вот и славно. Всегда знал, что умом тебя боги не обидели, прямо как моего покойного кузена. Но, между нами, называть незаконнорожденного в честь своего отца – тот еще фортель. Могут поползти слухи, а это не входит в наши планы.

– Я больше не хочу принимать участие в твоих планах, у меня теперь свои. Ребенок останется со мной, я попрошу Агнесс объявить наш с Жоакином союз законным постфактум, как она поступила с его должностью в парламенте.

Эрих кивал каждому ее слову, но Гуннива не позволила себя одурачить.

– А теперь прикажите принести моего сына, Амадея Амберхольда!

– Мейера.

– Что?..

– Доктор предупреждал, что могут пострадать целые отделы мозга, отвечающие за логику. Но месяц-другой при дворе вернут тебя в форму, – Эрих с кряхтением наклонился в сторону, чтобы достать из кармана золотой хронометр. – Ее Величество отпустила меня только затем, чтобы я справился о твоём здоровье и благополучном рождении отпрыска. В скорости мне нужно будет возвращаться. Мальчика и весомое вознаграждение уже передали приемным родителям, чьи имена я, разумеется, тебе не сообщу.

– Нет! Подлец! Какой же вы подлец!

– Сиди смиренно, к чему так корчиться, – фыркнул фон Клокке в ответ на ее попытки подняться с кровати. – Ты думаешь, что наша королева всецело к тебе расположена. Что она смо-

жет смыть ту грязь, которая висит на тебе, как репы. Ха! Едва ты покинула Хёстенбург, чтобы доносить ребенка в родном Аупциге, Совет тут же пристроил к ней трех свеженьких фрейлин. По одной от каждой фракции, представь себе. Среди них есть даже двоюродная сестра нашего милейшего Баккера. Твое влияние, – Эрих наклонился вперед, в его облике не осталось ничего от прежнего доброго дядюшки, – твое влияние тает с каждым днем. Три куколки будут петь в королевские ушки то, чему научат их папеньки и братья. А ты? Положим, она узаконит твоего бастарда. Прекрасно. Но ты думала, чем тогда станешь ты? Ты потеряешь фамилию, утратишь титул, у мальчика тоже его не будет. А ты будешь стареть. Милая мордашка увянет, замуж тебя больше никто не возьмет. Готова ли ты пожертвовать жизнью, полной возможностей, из-за одного единственного животного порыва, а?

Гуннива сидела, спрятав лицо в ладони.

– Нет, нет, нет... – шептала она, уже не понимая, что именно отрицает.

– Сейчас в тебе бушуют инстинкты, ты яришься, будто сука над пометом, и это нормально. Но включи голову, Гуннива, заставь ее работать! – рявкнул фон Клокке. – Дурная повитуха не должна была совать тебе его в руки. Пойми, обретя ребенка, ты потеряешь все! Мы это уже обсуждали. Ты казалась смышленной девочкой, так не разочаровывай меня сейчас.

– Нет, нет...

– Ради себя, моя девочка, ради королевы, ради страны. Мы не можем позволить этим скользким гадам из Парламента, Гильдий и военным манипулировать Агнесс. Ты вернешься и поставишь на место этих кукол. А я устрою для тебя самый выгодный союз. С достойным мужчиной, который не погнушается твоим... прошлым.

– Нет...

– О мальце можешь не тревожиться. – Эрих фон Клокке, видимо, посчитал, что разговор окончен, и вперевалку направился к двери. – Я прослежу, чтобы он ни в чем не нуждался. Так что просто забудь. Сколько там тебе? Двадцать пять?

– Двадцать два.

– Двадцать два... Видишь? Самый сок. Новость о смерти новорожденного придаст тебе трагического флера, королева не устоит. А об этом забудь.

Он ушел, а Гуннива еще долго сидела, раскачиваясь, обхватив себя за плечи. Она не плакала.

Грудь ныла, пачкая рубашку каплями молока. Последнее, о чем Гуннива могла забыть – это причиненное ей зло.

– Только взгляните на герцогиню Амберхольд! На ней золота даже больше, чем на королеве.

Гуннива не оборачивалась на шелестящие шепотки других фрейлин.

– Говорят, есть мужчины, которые приписывают ей сходство с Фрейей.

– Ну надо же! Должно быть, они имеют в виду способ, которым она платит за свои украшения.

Первая фрейлина только поджала губы в нитку. Придет время, и эти глупые девицы будут ночевать у ее порога, только чтобы добиться аудиенции королевы.

– Я, конечно, могу ошибаться, но эти аметисты похожи на стекло.

А пока она промолчит. Пусть даже вертятся на языке десятки хлестких фраз, которые могли бы заставить всех троих заткнуться. Ничего сложного для понимания: только напомнить, как их прабабки месили коленками навоз под галльскими повстанцами, в то время как ее предки вели вперед войска. Из грязи в князи, так, кажется, говорят? Она еще вернет их в родную грязь.

Фрейлины чинно семенили за Агнесс в зал, где предстояло встретиться с Советом и Захарией Йохансоном. Уже доносились до слуха аккорды, выводимые струнным квартетом и касался обоняния запах роз, украшавших помещение.

Агнесс в густо-фиолетовом платье с алмазным топориком на поясе и с изумрудной диадемой в волосах шла чуть впереди. Осанка безупречна, пудра скрывает нервные пятна на коже.

Их небольшая процессия приблизилась к дверям зала. Церемониймейстер ударил жезлом в пол, и скрипачи заиграли гимн Кантабрии.

Дамы в сопровождении гвардейцев проследовали до трона и заняли каждая свое место. Гуннива встала по правую руку от Агнесс, рядом с ней – кузина Баккера, Амалия, так неосторожно высказавшаяся о ее аметистах. Чем оценивать чужие ожерелья, лучше бы выдернула тот жуткий черный волосок из родинки на шее.

Едва Агнесс опустилась на трон, от группы придворных отделился человек.

Он был стар, но держался прямо, как военный. Вот только Первая фрейлина знала, что военным он не был никогда. Напротив, Захария Йохансон питал к ним глубокую неприязнь, как и к роду Линдбергов. Впрочем, окажись на его месте Гуннива, ноги бы ее не было в этом дворце. Она мысленно подмигнула собственной иронии.

Мужчина передвигался с раздражающим присвистом, который издавала его искусственная нога, сгибавшаяся в колене благодаря каким-то поршням. Но разглядеть эту конструкцию было невозможно: двубортный плащ из серого сукна скрывал уродство. Вся его одежда говорила о том, что он не счел нужным сменить дорожный костюм перед аудиенцией. На лицо первый богач Кантабрии был не так уж и красив, но в его профиле с крупным заостренным носом и тяжелой складкой бровей угадывалось нечто хищное, а оттого по-своему привлекательное. Гуннива искала, но не находила ни малейшего сходства с его сыном Петриком, который теперь держался впереди Совета, выкатив грудь, и светился пламенеющими ушами.

Первая фрейлина дождалась момента, когда молодой премьер-министр Йохансон проследил движение Захарии до протянутой руки королевы, и мастерски поймала его взгляд своим. Петрик тут же отвернулся, и его ребяческое пренебрежение позабавило Гунниву.

– Ваше Величество, – заговорил Захария Йохансон. Голос был немелодичный, низкий и скрипучий, как мебель из рассохшегося дерева. – Для меня великая честь лицезреть вас.

– Это честь и для меня, герр Йохансон, – Агнесс вымученно улыбалась. – Пусть обстоятельства нашей встречи тревожны, я надеюсь, что Корона сможет отблагодарить вас за помощь. Быть может, это позволит нам забыть о старых прениях.

– Не в моих правилах приписывать поступки отцов их детям. Как и наоборот.

Гуннива надеялась разглядеть признаки смущения на обезьяньей мордочке Петрика, но он, напротив, продолжал гордо светиться.

– Насколько нам известно, Олон не обладает морским флотом, который мог бы нам угрожать. Все их судоходство – речное, и служит сугубо мирным целям: рыбной ловле, торговле и путешествиям на большие расстояния, – было заметно, что Агнесс готовилась произнести речь. – Мы же, в свою очередь, располагаем боевыми судами, оснащенными броней и артиллерией. Но необходимость в них может возникнуть, только если война затянется, а это маловероятно.

Гуннива прочла снисходительную усмешку во взгляде Захарии Йохансона. Мужчина завел руки за спину – поза человека, уверенного в собственной неуязвимости.

– Я понимаю, к чему вы клоните, Ваше Величество. Флот, как таковой, вам не нужен, в приоритете сухопутные войска, способные удержать наши границы и оттеснить врага. Очень верное замечание, достойное настоящего стратега.

За каждым словом Агнесс стоял Совет. Настоящий румянец пробился из-под розового напыления на скулах, нижняя губа дрогнула, как у пристыженной девочки. Гунниве хотелось встряхнуть ее и крикнуть, чтобы не гнула шею перед старыми волками и показала, кто правит

этой колесницей. А если им это не по нраву, так пусть смажут свои поршни тюленьим салом и возвращаются на острова, чесать овец и тискать селянок с рыбьими глазами! Тушуясь и смущаясь, Агнесс бросала тень на все свое правление.

– Смею вас заверить, что я также осведомлен о возможностях олонской армии, а потому, мой дар Кантабрии – это вовсе не корабли. В данном случае они выполняют роль транспорта для более полезных вещей.

– Каких именно?

– Инженерных новшеств, изобретений, не имеющих аналогов. С ними конфликт разрешится, не успев войти в опасную фазу. Или же будет предотвращен вовсе, если генералы Юэлян успеют ее вразумить. Позвольте, я покажу вам, – с этими словами он подал Агнесс руку жестом, не лишенным грубоватой галантности, и помог ей подняться с трона.

У большого окна, от потолка до пола, уже стоял бинокль на бронзовой треноге, а рядом с ним – огромная линза с отлаженным фокусом, чтобы придворные увидели корабли Йохансона старшего, не заглядывая через плечо Ее Величества.

Члены Совета взяли на себя обязанность предложить оттопыренные локти фрейлинам, будто сами они были не в состоянии пересечь зал и могли заблудиться по дороге. В спутники Гунниве достался мэр Хёстенбурга, герр Вайнхайм, пахнущий табаком и крепким парфюмом, не перебивавшими вонь какой-то болезни. Все зубы у него были из фарфора, ровные, как конная дивизия на параде, глаза слезились, а из ушей лезли посмотреть на мир пучки седых волос. Типичный любитель юных горничных. Гуннива содрогнулась при мысли, что под «достойной партией» дядюшка мог иметь в виду его.

Йохансон-старший оловянной походкой проводил Агнесс к окну и приглашающе повел рукой в сторону горизонта. Вайнхайм и другие придворные мужи замерли на почтительном расстоянии за их спинами.

– Извольте взглянуть, Ваше Величество, – заскрипел Захария, обращаясь к склоненному затылку королевы. – В порт Хёстенбурга вошла дюжина кораблей. На каждом из них помещается около четырех десятков бронированных машин, устойчивых к пулям и другим видам атак. Кавалерия им нипочем, и при правильной эксплуатации они могут даже сравниться с ней в скорости. Обшивка у машин стальная, колеса не увязнут в самой непроходимой грязи, а также они оснащены автоматическим оружием, способным производить дальнобойные выстрелы в различных направлениях благодаря точному прицелу. Для управления подобной машиной необходим экипаж, состоящий только из троих человек. Потребуется специальное обучение, которое мои люди готовы организовать для солдат. Кроме того, нужно отобрать бойцов с отменным здоровьем, не страдающих страхом замкнутых пространств. Машины того стоят. Они выигрывают эту войну.

Гуннива не понимала треть слов, сказанных Йохансоном-старшим. Ее знания о мире вокруг, мире мужчин, были скудны, и ограничивались вещами, о которых не принято говорить в обществе. Но, глядя в центр линзы на цепь кораблей, перечеркнувшую морское полотно, она вдруг похолодела, будто могла коснуться тех машин, покрытых стылой патиной соленых брызг.

Сталь бортов, сталь причудливых колесных башен со стальными же стволами, глядящими в сторону Хёстенбурга. Стальной горизонт неотвратимого будущего.

Ветер всколыхнул воздушную тюль и, будто в насмешку, принес запах мазута и металла. Давно смолкли скрипки и виолончели, молчали придворные. Только город и море продолжали гудеть в разнородном ритме, то споря, то приходя к согласию.

Наконец, Агнесс оторвалась от бинокля. Едва заметно покачнувшись, оперлась на треногу. Губы совсем белые, глаза – две выпуклых стекляшки. Успокоительная настойка взяла свое. Даже с лихвой.

– И как же... Как вы назвали свои машины, герр Йохансон? Вы ни разу об этом не упомянули.

– Я догадывался, что вы спросите, Ваше Величество. И, по доброй традиции, – он приложил обветренную руку к груди, – я предлагаю это сделать вам.

– Я подумаю над этим. Или этими?

«Плохо, – решила Гуннива. – Пора заканчивать, пока она не начала зевать и нести вздор».

Гуннива сбросила руку прилипчивого Вайнхайма и быстро приблизилась к Агнесс.

– Вы побледнели, – шепнула Первая фрейлина. – Вам необходим отдых, немедленно. Ее Величество будет готова к повторной аудиенции завтра, – отчеканила она, обращаясь к Йохансону и остальным. Придворные что-то забормотали, но она сделала вид, что не слышит ни слова. – Я внесу ваш визит в регламент.

– Пожалуй, ты права, – мечтательно протянула Агнесс. – Все же, я счастлива, что меня окружают преданные люди. Люди, готовые посвятить себя службе Короне и Кантабрии. Даже спустя столько лет...

– Слуги государства бывшими не бывают.

Йохансон коротко поклонился и отошел в сторону.

Гуннива подхватила Агнесс под руку и повлекла ее прочь. Гвардейцы тут же построились для сопровождения, но дорогу девушкам заступила Амалия Баккер. Из голубых глаз чуть ли искры не сыпались от гнева, мочки ушей, оттянутые турмалинами с перепелиное яйцо, побагровели.

– Не слишком ли вы много на себя берете? Самовольно прерываете важнейшую встречу, афишируете состояние здоровья Ее Величества... Слишком экстравагантно даже для такой одиозной фигуры, как вы!

Агнесс навалилась на подставленную руку Гуннивы и улыбалась. Только бы никто не заметил! Нужно внушить королеве осторожность к настойке или отобрать ее вовсе. Чуть не случился конфуз, грозящий перерасти в скандал.

– Каждый служит Кантабрии по мере своих способностей, – герцогиня Амберхольд больше не сдерживала неприязнь. Ее поле битвы было здесь. – Кто-то, к примеру, печет хлеб и пасет гусей. Кто-то стреляет, а кто-то выносит ночные вазы. Кто-то может заботиться о королеве, а кто-то только вышивать знамена. И я прослежу... О, поверьте, лично прослежу, чтобы никто не перепутал ролей!

– Кентавры! – вдруг воскликнула Агнесс. – Эти машины словно союз кантабрийского коня и человека, солдата. Они будут называться «Кентаврами»!

– Как пожелаете, Ваше Величество, – вздохнула Гуннива и поспешила увести ее прочь.

Глава 4. Узник надежды

Твои серебряные глаза смотрят печально. Отчего, любимый? Теперь все станет простым и правильным. Расправится, выправится, и направление, что ты выбрал для нас, окажется самым верным. Я в это верю.

Не одни, но вдвоем. Ближе, чем когда-либо. Я – часть твоя, а ты – моя, и тоска твоя душит моих птиц, как тесная клеть. Так как растопить мне этот стылый взгляд?

Не лги, не лукавь. Никто так не ценит искренности, как олонские кисэн, обученные искусству девяти голосов.

Я могла бы станцевать для тебя ветер и течение ручья, и мне вовсе не нужен веер, чтобы оттенить переливы движений. Может, хочешь стихов? О героях и любовниках, о цветах и грозах. Я умею складывать их на трех языках и пяти наречиях. Я могу выложить твой образ песчинками на полу, и ты будешь смотреться в него, как в зеркало.

Но, постой, я знаю. Знаю, что будоражит тебя сильнее всего, что заставляет кровь бежать по венам с неукротимой силой и наполняет жаждой жить. Жить и видеть...

Я расскажу тебе историю. Настоящую, придуманную лишь отчасти, ведь историй, полностью лишенных искры фантазии, не существует.

Историю о народе, который так хотел переменить лицо, что срезал кожу с другого и примерил ее на себя.

Золотое Ханство было огромным, но оно пережило свой расцвет, и его раздирали на части сыновья Хана и их приближенные. Ханство стало слабым, а Старая империя не прощала слабости. Их император разжигал смуту среди воинов Хана. Он называл себя Сыном Небес, и многие воины пожелали встать под его стягами. Император отсек Золотому Княжеству ноги. Тело Золотого Ханства распалось на куски и стало отдельными государствами. Руки отделились от тела и потянулись к морям. Осталась одна голова. Хан не хотел терять головы.

Он решил оборвать все связи с Империей, чтобы ее Небеса не были властны над его народом. Он разослал послов в разные страны, чтобы они нашли лучшую из них. Несколько лет скитались гонцы от северных морей до восточных, но вернулся только один. Он рассказал Хану о стране Чосон, далекой и прекрасной. Тогда Хан отправил в Чосон войско. Они вернулись через год, сопровождая караваны, полные пленников. Там были ученые, поэты, музыканты, доктора и три сотни красивейших женщин. Воины сказали, что больше половины пленников погибло в пути.

Трижды три раза Хан отправлял солдат за новыми и новыми пленниками. Мужчин он заставил научить себя и своих приближенных их языку, вере и способу одеваться, а женщин раздавал в жены лучшим воинам, чтобы они дали начало новому народу. Через сто лет уже никто не говорил на языке Золотого Ханства, и превратилось оно в Оолонг, страну Черного Дракона.

Семь веков минуло, восемь династий взойшло на престол и сгнуло. Черный Дракон хребтом ограждает своих детей от Старой Империи на Востоке. А глаза его, когти и зубы обращены к Западу.

– Вы, кантабрийцы, вечно будто кол проглотили, и он вот-вот через зад вывалится, – лавочник заложил большие пальцы за подтяжки, вышитые зелеными нитками, и подмигнул так, что вся физиономия собралась пучком веселых морщин. – Но после пары стаканов ржавого вина сразу становитесь похожи на людей. Уж я-то вашего брата повидал довольно, дружище герр. Знаю, о чем говорю! Возьмете бутылочку?

Юстас выдавил убогое подобие улыбки.

– Все так, мы люди сдержанные. Но после ваших знаменитых вин привычки отходят на задний план, – он развел руками, изображая смущение. – И часто кантабрийцы останавливаются в Суме?

Мужчина покосился лукаво и принялся рыться под прилавком.

– Ну-у, – протянул он, – В последние лет пять поменьше, а раньше вечно разъезжали. Студенты были, путешественники, мотались из феода в феоде, кутили. Еще ученые в наши пещеры навевались и на озеро. Шарили по осоке, лягушек пугали, все измеряли что-то. А теперь больше проездом в Борджию или в Александрию, по делам. Вы ведь сами из этих?

– Из этих, да.

Юстас хотел прекратить разговор, но не слишком грубо. Еще не хватало, чтобы лавочник запомнил неприметного кантабрийца, задержавшегося в их захолустье.

Лавочник продолжал болтать, выкладывая на стол консервы с тушеным мясом, мешочки с крупой, солью и кофе. Чай у него не водилось. Он расписывал красоты родной Сумы и настойчиво рекомендовал забегаловки, принадлежавшие, надо думать, его друзьям.

– А как зайдете к Ратке, затребуйте у нее суп из белых грибов в хлебной миске, на жирных сливочках, – мужчина по-кошачьи зажмурился. Желудок Юстаса откликнулся подвыванием. – И можжевельники! Да, холодненькой можжевельники. Меня добром помянете.

Не время гулять по харчевням, как бы вкусно там ни кормили. Настроение упало еще на несколько градусов.

– Премного благодарен за рекомендации. Сколько я вам должен?

– А винца? Ржавого, а? Такого больше нигде нет.

– Давайте уже.

– Пятнадцать толаров.

Юстас скрипнул зубами, но отсчитал монеты с изображением козлиной головы. Не стоит препираться из-за грабительской цены, не стоит привлекать к себе внимания. Он всего лишь простак-путешественник.

Андерсен распрощался с лавочником и вышел на улицу. Холщовая сумка с припасами оттягивала руку, и он забросил ее на спину. Нужно было найти телегу, которая отвезла бы его до хижин на озере.

Юстас шел мимо аптеки и скобяной лавки, мимо мастерской стеклодува и кузни, коптившей воздух прямо в центре Сумы. Навоз и сено ровным слоем покрывали дорогу, носились босые дети. Захолустье.

Они могли бы остановиться в столице этого феода, в Церкеше, и отправиться в Борджию оттуда. Но город с первого взгляда не понравился Юстасу, да и Пхе Кён тоже:людно, громко, много стражи, много глаз. И очень похоже на Хёстенбург. Андерсен не мог отделаться от ощущения, что по ошибке попал обратно в Кантабрию. Поэтому он спешно обменял вексель из кошелька герцога, обменял часть денег на толары, и они последовали дальше, вглубь Адриславы, поближе к границе.

В Суме, названной в честь огромной пещеры неподалеку от городка, были широкие улицы, а дома строились не выше двух этажей. Через Суму ходили поезда, и можно было отправить телеграмму.

Он с трудом удержался от того, чтобы снова заглянуть на местный телеграф – крохотный и жалкий, как курятник старой вдовы – и справиться, не приходил ли ответ на имя Магнуса Берча. Пришлось использовать это имя, ведь других документов у него не было.

Но он уже заходил туда утром, и ответа не было. Юстас не хотел, чтобы краснощекая телеграфистка с косой, уложенной вокруг безмятежного лба, имела малейший повод рассказать товаркам и соседкам о чужеземце, с нетерпением ждущем послания.

Юстас не желал, чтобы его лицо помнил хоть кто-то, когда армия Юэлян проломит границу этого феода.

Неподалеку от станции, где можно было нанять возницу, он заметил торговца слоеными булочками. Аромат выпечки разносился далеко по улице, перебивая запахи навоза, гари и теплой свиной крови. Юстас тут же подумал о Пхе Кён, и о том, что хорошо бы порадовать ее сладким, раз уж ему не удалось раздобыть чая. Но он отказался и от этой идеи – чем меньше людей будет видеть его вблизи, тем лучше.

Консервные банки в мешке колотили по почкам. Андерсен ускорил шаг.

Снова беглец. Вечный беглец.

Перебросившись парой слов с хозяином телеги, он договорился на трех толарах и забрался в кузов, на груды подгнившего сена. Возница настойчиво приглашал сесть на козлы и поболтать, но Юстас сделал вид, что не понимает языка. Он сбросил мешок с припасами и лег на спину. Небо со скрипом покачнулось, заскользило следом.

В сене спала пятнистая собачонка с острыми ушами – беспородная, из тех, что так и не вырастают в грозных охранников. Она внимательно осмотрела чужака, сочла его запах приемлемым и устроилась рядом с Андерсеном, спрятав нос в сухих травинках.

Селянин затянул песню:

*Матеж из дому ушел,
Чив-чив-чив, фить-фить-фить,
Лишь беду на горб нашел,
Чив-чив-чив, фить-фить-фить,
Мамка будет слезы лить,
Фить-фить-фить, чив-чив-чив,
В острог пироги носить,
Фить-фить-фить, чив-чив-чив.*

Во втором куплете у Матежа удавилась невеста, в третьем помер от горячки отец, в восьмом Матежа снова посадили в тюрьму. Исполнителю вторили то птицы, то кошки, то коровы. Кажется, подпевали даже рыбы. На двенадцатом куплете, описывающем похороны мятежного Матежа, так неудачно ушедшего из дому, Юстасу стало совсем тошно. Собачонка высунула лисью морду из сена и пронзительно завывала, будто ей прищемили лапу.

– Во сыро-ой земле-е!.. – вывел последнюю строку возница. – Приехали, господин!

Андерсен неуклюже выбрался из короба, расплатился и зашагал прочь. Телега тут же покатила дальше, подсакивая на колдобинах и камнях. Селянин завел новую песню, такую же убийственно унылую.

Перед Юстасом раскинулась гладь озера, того самого, которое изучали в свое время его соотечественники. Отражение побегов осоки и рогоза будто уходило в глубину, вода сливалась с небесной лазурью. Оптический эффект стирал горизонт. Андерсен стоял, смотрел и вдыхал густой запах тины. Он никак не мог понять, как такой большой водоем мог не оказаться на географических картах феодалов, которые он видел в Академии? И если это озеро с его зеркальным простором было невидимым на карте мира, каким ничтожным был он сам? Меньше микроба.

Юстас поправил лямку вещевого мешка и свернул с дороги на узкую тропинку, ведущую к озеру. Вскоре он увидел рыбацкую хижину и фигурку Пхе Кён на пирсе.

Кисэн сидела, свесив ноги до самой воды, и кормила уток. Край ее канареечно-желтого платья темнел влагой, черная коса змеилась по плечу. Наряд был чересчур ярким для жизни в бегах, но тогда, в магазине готового платья в Церкеше, он не смог отказать девушке. Так Пхе Кён впервые за долгие годы надела что-то не синее и не голубое. Суеверный ужас, смешанный с восторгом – Андерсен хотел запомнить то выражение навсегда.

Переводчица заметила его издали, отряхнула ладони от крошек и поднялась навстречу. Комнатная птичка, что ты забыла в чужой стране?

Пхе Кён подхватила пустое ведро за веревочную ручку и засемила к дверям хижины. Они встретились на пороге.

На ее вопросительный взгляд Юстас покачал головой. Кён тут же сникла.

Ожидание ответа от его родителей было единственной причиной их задержки в Суме. Андерсен составил краткое послание, адресованное в магазин письменных принадлежностей отца, чтобы предупредить его об угрозе, движущейся с востока. Он просил его увезти мать и Яна из страны. Все, чего Юстас хотел – это убедиться в том, что послание дошло до его семьи и получить односложный ответ.

Каждый день они подвергали себя опасности, оставаясь на территории феодалов. Но Юстас не мог перестать надеяться.

– Два дня, – он взял белую ладонь Пхе Кён в свою. – Еще два дня, и мы сядем на поезд. Даю слово.

– Больше не уходи надолго. Мне страшно, – серьезно ответила девушка.

– Не буду. Как он?

– Как и день, и пять, и пятнадцать назад, – вздохнула она и отворила дверь.

Чтобы войти, Юстасу пришлось пригнуть голову.

– Я не принес чая, – вспомнил он. – Они не пьют чай.

– Не беда.

Андерсен наблюдал, как она порхает по темной лачуге языком желтого пламени, подсвечивая все вокруг: и пол, устланный сухим камышом, и маленькие мутные окна, и очаг в каменной нише с дымоходом, испускающим струйки дыма сквозь щели в кладке, и два узких топчана. На одном ютились по ночам они с Пхе Кён. Со второго таращился в потолок Фердинанд Спегельраф. Глаза его были пустыми и неподвижными, словно у чучела.

Юстас начал извлекать из мешка все, что купил в городке, и каждую мелочь Пхе Кён встречала бурным одобрением:

– Рис! Мы сварим его в большом котле. О, и соль! Ужин не будет пресным. А это что? Нитки! Как вовремя, твой жилет нужно залатать. И постирать... А вот и мыло!

Юстас смутился.

– Не надо, испортишь руки.

– Что за предрассудки? – переводчица округлила черные глаза. – Руки портит не труд, а безделье. Все кисэн умеют шить и вышивать. И потом, ты же знаешь, я из простой семьи.

Он проглотил пустые комментарии о торговле детьми.

– Чего я делать не буду, так это мыть герра Спегельрафа.

– А его обязательно мыть? – рассеянно отозвался Юстас.

– Он – больной старик в беспамятстве. Как сам думаешь?

Ассистент герцога только поджал губы. Поступая на службу к Верховному судье, он и предположить не мог, что это будет входить в его обязанности. Юстас не без опаски приблизился к лежащему Фердинанду и заглянул тому в лицо. Светло-голубые глаза с желтоватыми белками смотрели вверх. Нет, не смотрели, ведь это действие требует осознанности. Герцог пялился прямо перед собой, не мигая. Отравы погубила часть его мозга, так сказала Пхе Кён.

– Мне жутко оставаться с ним, – призналась девушка. – Иногда я забываю, что он лежит здесь, а потом он начинает скрипеть зубами. Или, вдруг, кажется, что он пошевелился, обернись – и ничего. Поэтому я и ждала тебя снаружи, хоть ты запретил. Не могу, не могу больше...

Андерсен потер лоб.

– В Борджии найдем ему сиделку.

– Зачем все это? Он уже принадлежит миру духов, только тело гниет заживо! Это страшное преступление – идти против природы и заставлять его мучиться! Ты не должен был давать ему противоядие...

– И что ты предлагаешь? – взорвался Юстас. – Бросить его здесь умирать от голода в луже собственной мочи?! Или перепилить ему горло кухонным ножом?! Чего ты от меня хочешь, Кён? Чего?!

– Не знаю, – она тихо опустилась на лавочку и уткнулась лбом в щербатый край стола. – Я уже не знаю, как правильно.

Если бы она заплакала или стала кричать в ответ, Юстас бы распалился еще сильнее, и только боги знают, чего наговорил бы. Но Пхе Кён отступила мягко, как волна, и он ощутил себя недоумком, который колотит воду палкой и бесится из-за брызг.

– Извини. Я...

Юстас не знал, куда девать беспокойные руки и тут заметил, что еще не все вынул из мешка с покупками.

– Смотри, Кён, – позвал он, извлекая наружу бутылку в ивовой оплетке. – Проходя-лавочник никак не отпускал меня без этого своего ржавого вина. Клянусь, он припер меня к стенке!

Девушка с минуту смотрела на него, а потом коротко хихикнула.

– Почему оно ржавое? Настояно на гвоздях?

Тонкий лед между ними треснул и стигнул без следа.

Пхе Кён оживилась и предложила устроить пикник.

– С пирами и балами у нас не задалось. Хотя здесь проведем время, как подобает, – говорила она нарочито серьезным тоном.

Через час они сидели на пирсе, угощаясь липкими рисовыми шариками и передавая друг другу бутылку – бокалов у них не было. Пхе Кён надела соломенную шляпку с шелковыми цветами в тон платью. Утиный выводок, прикормленный девушкой, сновал в воде у их ног. Юстас начал вспоминать все, что знал о винах Малых Земель. Переводчица смеялась и задавала вопросы. Им было тепло и спокойно.

– ...и наш сегодняшний герой – ржавое вино. Виноделы строго хранят секрет удивительного оранжевого цвета, но делают его только здесь и в Борджии, где зовут его d'arapione...

– Расскажи мне о Борджии, – попросила Пхе Кён. – Я должна узнать о стране, где нам предстоит жить.

Юстас откашлялся.

– Суверенное государство Борджия не входит в состав Александрийской прибрежной федерации, однако, находится под ее прямым протекторатом...

– Нет, не это, – Пхе Кён сморщила нос. – Это я и так знаю. Расскажи мне, как там живут люди. Во что верят, как одеваются, под какую музыку танцуют и что празднуют? Разве не это самое важное?

Над бескрайним зеркалом озера, недостойного занесения на карту, загорались звезды. Девушка положила голову Андерсену на колени, и он осторожно гладил черный шелк ее волос. Юстас рассказывал Пхе Кён о маскарадах и древних храмах, о бродячих цирковых труппах и прекрасном городе на воде, где они снимут квартиру с видом на канал и каждый день будут кататься на лодке. Чем дольше он говорил, тем ближе казалась Борджия и мирная жизнь в ней. Миражи в карнавальных масках посмеивались голосами ночных птиц.

– Уедем завтра?

– Уедем, – эхом отозвался Юстас.

Ранним утром он покинул рыбацкую хижину и пешком отправился в Суму.

Нужно было нанять повозку, чтобы погрузить туда тело Фердинанда. Эта трата обещала быть крупной: Юстас подумывал, что стоит доплатить местному за молчание и слепоту, но не был уверен, что даже деньги удержат человека от сплетен.

Он бы и рад был представить больного старика собственным отцом, которого он везет на обследование к лучшим профессорам Сальвийского университета. Но в поддельном паспорте герра Спегельрафа значилась другая фамилия – Кайсер, не Берч, как у него. Поэтому он решил до конца придерживаться линии «поверенного». Пхе Кён должна была состоять при них горничной и сиделкой.

В Суму он вошел почти в полдень, с ног до головы покрытый дорожной пылью и со сбитыми в кровь ступнями. У вокзальной площади, точнее, ее подобия, не стояло ни одной телеги.

«Должно быть, еще рано, и крестьяне толкуются на рынке по своим делам», – рассудил Юстас.

Но спустя полчаса площадь по-прежнему была пуста. Когда на нее, бляя и распространяя зловоние, вышло небольшое стадо коз, терпение Андерсена лопнуло, и он отправился бродить по Суме. Как он надеялся, в последний раз.

За ночь городишко ничуть не изменился, но теперь Юстасу удалось разглядеть его скромное очарование: пастельные, но не однообразные краски на стенах домов, резные ставенки и карнизы, мелодичный здешний язык, то рочучий, то звенящий на каждом углу. Ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы война не затронула этот мирный угол, давший ему, Пхе Кён и несчастному Фердинанду Спегельрафу краткую передышку.

Юстас и сам не заметил, как ноги опять принесли его к телеграфу. С минуту он боролся с собой, но проиграл. За высокой стойкой из лакированной сосны никого не было. Андерсен вынул из кармана монетку и постучал ей по блюдцу возле кассы – так подзывали торговцев и служащих во всех феодах. Никто не отозвался, но он слышал шаги за стеной. Тогда он позвал:

– Простите? Есть здесь кто-нибудь?

Раздались шаркающие шаги, приоткрылась застекленная дверца подсобки, и на пороге показался долговязый парень в вязаной полосатой жилетке. В руках у него было крупное яблоко, которое он, не стесняясь, с хрустом жевал.

– Для вас ничего нет, – буркнул телеграфист с набитым ртом и снова исчез, даже не прикрыв за собой дверь.

Андерсен был настолько поражен его грубостью, что даже не нашелся, что сказать. Он еще раз раздраженно постучал монетой по блюдцу, но вскоре понял, что это бесполезно. Что-то показалось ему странным в поведении телеграфиста, но он решил не поддаваться пустым страхам. Хамоватый житель Сумы, видимо, хотел сказать, что не приходило никаких сообщений из-за границы. Или, что новых сообщений не было вовсе.

Оставалось только доверить воле богов, чтобы отец все же получил его послание и воспринял его правильно.

Вернувшись на привокзальную площадь, он увидел, что козы ушли, зато появилась телега. Возница почти спал, согнувшись на козлах в три погибели, прикрыв глаза и нос широкополой шляпой. Услышав голос Юстаса, он встрепенулся и молча махнул рукой, чтобы тот забирался в телегу.

Ассистент герцога убедился, что в коробе достаточно места, чтобы разместить патрона и Пхе Кён, и позволил себе расслабиться.

Уже эти вечером они с Пхе Кён и Фердинандом разместятся в купе второго класса – не слишком роскошном, но достаточно комфортабельном – и покинут Адриславу. Всего лишь путешественники.

Юстас надеялся, не мог не надеяться, что в Борджии их путешествие действительно подойдет к концу.

Суверенное королевство под протекторатом Александрии представлялось ему самым безопасным местом на этом континенте: прозрачная правовая система, в приоритете мирная торговля и всевозможные виды искусств. И, что самое важное, возможность для иностранцев легально и без проволочек открыть свое дело.

Теперь мысль о частной юридической практике не вызывала у него отвращения, как год назад, когда он только сбежал из Кантабрии. Это наблюдение удивило Андерсена, но он тут же нашел ему объяснение: теперь рядом с ним была та, ради которой стоило стать опорой. Пхе Кён, непостижимая и прекрасная, как рифма в олонской поэзии, заслуживала лучшего, и он положит годы, чтобы дать ей жизнь в радости, покое и достатке.

А герцог... Что герцог? Фердинанд Спегельграф разыграл все карты, что у него были, где-то талантливо, где-то бездарно, но в конечном итоге он остался с пустыми руками и мертвым мозгом. Юстас больше не считал его своим наставником. Он перерос герра Спегельграфа, но, из уважения к бывшему патрону, собирался воздать ему должное: сиделка, опрятная клиника вблизи от горячих источников Сагритты. Он будет в порядке, а Юстас больше не увидит, как тот разваливается на куски, пока его кормишь с ложки жидкой кашей и под руки усаживаешь на ведро. Бесславное, но достойное завершение истории старого интригана.

Сегодняшний возница был молчалив и не исполнял народных песен о бандитах-мучениках. И на том спасибо.

Юстас с наслаждением впитывал солнечные лучи и раз за разом прогонял в голове детали их плана: погрузить герцога, добраться до вокзала, купить билеты во второй класс так, чтобы никто не занял четвертое место. Пересечь границу, отправить герцога в пансион, заплатить векселем за год вперед.

Его же векселем, боги, его же деньгами! Как это все мерзко.

Возможно, Пхе Кён была права, и ему не стоило идти против правил жестокой придворной игры.

Но слишком поздно сожалеть и анализировать шаги в прошлом. Отдавшись этому занятию, герцог проиграл. Юстас выиграет, ведь на кону его будущее, а не абстрактные идеи о завоевании страны.

Телега мягко катилась по берегу озера, невидимого на карте. Андерсен еще раз вернулся мыслями к этому забавному факту и решил для себя, что теперь, после всех испытаний, ему больше не хочется быть заметным на мировой картине, как горному хребту Черного Дракона. Довольно быть подобным озеру Сума – чистым, глубоким и достойным пристального внимания прекрасных глаз Кён.

– Как увидишь хижину рыбака, сворачивай к берегу. Мой начальник неходячий, я позову, когда будем его выносить. Все понял? – старательно выговорил он на малоземельном наречии.

– Понял, – на ломаном кантабрийском отозвался возница.

Юстас усмехнулся и хлопнул его по плечу. Слишком хорош был день. Слишком славные мысли приходили на ум.

Пхе Кён не ждала его на пирсе. Должно быть, собирала их немногочисленные пожитки или прибирала внутри. Он сошел с телеги и поспешил к дому. Юстас позволил себе еще одну фантазию: он закрывает свой респектабельный офис и идет домой по узкой улочке, пахнувшей хлебом и цветами. Соседи здороваются с ним, и он приподнимает шляпу в ответ.

– Добрый день, синьоре, – говорят они. – Как поживает ваша жена?

И вот он на пороге собственного дома. Занавески будут непременно белыми, как дома у родителей, и будут похрустывать накрахмаленными кружевами. Пхе Кён с улыбкой откроет дверь, молочно-сияющая, в ярком наряде борджийской горожанки, а у нее на руках...

Андерсен уже привычно пригнул голову, заходя внутрь рыбацкой лачуги.

Пхе Кён стояла посреди комнаты, руки комкали желтое платье на бедрах. Глаза горели черным пламенем на белом лице, нижняя губа вздрагивала, как от плача.

– Юстас...

Он оттолкнулся от косяка и побежал. Следом за ним метнулась тень, до этого скрывавшаяся за очагом.

– Юстас! – вскрикнула Кён.

– Юстас Андерсен!

Он неся, как подстреленный.

– Стоять!

Краем глаза Юстас заметил, как еще одна фигура отделилась от телеги, на которой он приехал из городка. Свистнула пуля. Он бросился в сторону озера, оскальзываясь на влажной почве берега.

К ивам!

Андерсен бежал так, как никогда в жизни не бегал. Встречный воздух раздирал его легкие, пульс грохотал где-то под кадыком, и в голове пронеслась мысль, что он захлебнется собственной кровью из лопнувшего сердца.

Еще одна пуля раскалила воздух у его щеки, но не задела. Юстас оттолкнулся от изогнутого ствола ивы, и с плеском рухнул в густые камыши и рогоз.

– Попал? Попал?! – донеслись до него крики преследователей.

– Нихрена ты не попал, этот сукин сын там, в воде!

Юстас пополз, увязая в тине, стараясь не поднимать шум. Лягушки помогали ему – выстрелы напугали их, и они подняли гвалт, перекрикивая кантабрийцев.

Дальше, дальше, в тину, в грязь. Затаиться, слиться с черной водой, птичьим дерьмом, лягушачьей икрой. Не дышать. Не существовать. Исчезнуть.

Заросли тростника надежно укрывали его от глаз преследователей.

Агенты кантабрийской разведки – можно было не сомневаться, они – расхаживали вдоль берега, перебрасываясь фразами, как горячей картофелиной:

– А если утонул?

– Такое не тонет.

– Девчонка говорит по-нашему?

– Какая разница?

– Если утонул, придется допрашивать.

– В штабе разберутся. Лезь в камыши.

– Тролля с два, у меня ботинки новые. Должен быть другой способ. Эй, Андерсен! Герр Андерсен! – пропел агент. – Как водичка, э?

Юстас зажмурился, стиснул зубы. Дальше отползти от берега он не смел – глубина могла затянуть его в скрытый колодец, стоит только тронуть ногой скользкий край бочага. Он уже чувствовал, как водоросли обхватывают щиколотки требовательными русалочьими пальцами.

– Готов поспорить, лягушки будут похолоднее олонской куколки? Ты уже объяснил ей, как готовить угря по-хёстенбургски? А то ведь мы сейчас пойдём и проверим, как она управится с нашими угрями! – издевался мужчина, судя по голосу, довольно молодой.

– Приведи олонку, – приказал второй голос, который был постарше.

Это был возница в шляпе, теперь Юстас узнал его, хотя тот произнес только одно слово.

Шаги удалились.

Агент-возница чиркнул спичкой и закурил. Юстас не видел, только слышал, но воображение у него разыгралось, как под действием наркотика.

Мужчина стряхнул пепел в воду.

– Лучше выходи по-хорошему, Андерсен. Тебя приказано брать живым, а вот на ее счет – указаний никаких. Все понял? – закончил он на плохом малоземельном.

Снова шаги, женские всхлипы.

– Вот она, капитан. Беленькая, как сливки. Скажи, красотка, ты везде такая или только на мордашку?

Юстас стискивал стебли камыша, и они резали ему кожу. Пхе Кён плакала навзрыд.

– На колени.

Треск ткани. Они порвали желтое платье Пхе Кён, ее первую одежду свободного человека.

Андерсен замычал, как безумец, впившись зубами в собственное предплечье. Он бы отгрыз себе руку напрочь, он бы ел землю, если бы это только помогло им спастись. Но он не мог сделать единственного, чего от него требовали – он не мог подняться на ноги и выйти к королевским агентам. Страх приковал его к болотистой прибрежной жиже.

Юстас предал Пхе Кён. Он, который так долго ждал от нее коварства, первым предал ее. Унося ноги из хижины, он даже не сомневался.

– Похоже, мы ошиблись, капитан. Девка ничего для него не значит.

Кён плакала, но уже тише, всхлипывая, как через закушенную губу.

– Неудивительно, Ланц. Для изменников нет ничего святого.

– Это твой последний шанс, куколка, – пробубнил молодой. – Эй, Андерсен! Слушай меня, я повторять не стану! У меня в руках две чудесные вещи: в левой – волосы твоей экзотической подружки, а в правой – отличный автоматический револьвер последнего образца. Дуло прижимается к ее затылку и одного щелчка достаточно, чтобы превратить мозги в ягодный джем. Дальше все просто. Я считаю до десяти, и если ты выходишь, она не умирает. Решать тебе, Андерсен.

– Меньше слов, больше дела!

– Я веду переговоры, – парировал молодой агент. – Один... два...

Он должен встать и выйти. Встать. И выйти. Опереться на локти, напрячь колени, оттолкнуться от земли и выпрямить спину так, чтобы они увидели его измазанное грязью лицо предателя.

– Пять... Шесть...

– Юстас, не надо! – крикнула Пхе Кён. – Не слушай их, убегай!

– Заткнись, шлюха! Семь, восемь.

Андерсен встал. Он проделал это как во сне, не отдавая себе отчета.

– На берег, медленно. Подними руки!

Он сделал, как приказывали.

Как только он ступил на сухую землю, капитан отработанным движением ударил его в печень. Юстас согнулся, и удар по хребту свалил его с ног.

Агент избивал его долго, методично. Ассистент герцога не сопротивлялся. В груди хрустнуло, и стало так больно дышать, будто при каждом вздохе легкие напарывались на ножи. Тело разваливалось на куски.

«Почти как Золотое Ханство».

Он не смел смотреть на Пхе Кён, а когда у него заплыли глаза, то перестал видеть вообще.

Агент достал откуда-то наручники и надел на Юстаса.

– Иди, проверь, как погрузили Спегельрафа. Нам не нужно, чтобы он откинул копыта в дороге. Олонку туда же. Этого сейчас приведу сам.

Юстас дышал прерывисто, мелкие капельки крови вылетали из его рта вместе со слюной и оседали на усах. Агент перевернул его на спину и наклонился так низко, чтобы произнесенные им слова коснулись только ушей Андерсена:

– Привет от Эриха фон Клокке. Он просил передать, что Слуги государства бывшими не бывают.

Капитан покровительственно похлопал Юстаса по щеке и с хрустом впечатал ему кулак в переносицу.

Глава 5. Олово и акварель

Когда клепаный пол кабины накренился в третий раз, Луковка не устояла на ногах. По инерции метнулась вбок и впечаталась ребрами в перила лестницы. Смачно выругалась по-иберийски, но тут же встряхнулась и стала пробираться к штурвалу, в который вцепился мертвой хваткой Рехт.

Нильс сплюнул кровь – его железные зубы и при полном штиле царапали то язык, то щеки, но тут он умудрился разбить губу о металлическую обшивку стены, когда они стали мотаться по небу в попытках уйти от снарядов. Отплевавшись, он последовал примеру Луковки и пошел к носу дирижабля, то и дело повисая на кожаных ремнях, змеившихся с потолка.

Первый выстрел не достиг цели, но механик вывернул штурвал влево. Его реакция спасла их от второго снаряда. Нильс мог поклясться, что видел, как что-то черное пронеслось мимо иллюминатора, и это была не птица. Тогда Рехт снова крутанул штурвал в противоположную сторону, на это раз до упора, и дирижабль медленно начал идти кругом. После третьего выстрела весь борт повело вправо и вниз, что-то снаружи натужно скрипело и трещало.

Нильс видел, как Луковка вцепилась в рукав Рехта и что-то кричала ему в лицо, но он был не из тех умников, которые умеют читать по губам. Он двигался вперед, ведь только так однажды можно понять, что к чему.

Дирижабль стонал, как подбитый гарпуном кит.

«Я умру? – в который раз спросил себя Нильс, человек без фамилии. – А, плевать, пусть я умру».

С земли раздался новый залп.

«Плевать».

Секунда, три, пять. Мимо. Кровь запела от нового вздоха.

Луковка наклонилась к нему, пришипленному к обшивке кабины собственной тяжестью, и протянула узкую ладонь, покрытую сухими мозолями.

«Вечно лезет в пекло, – почему-то разозлился Нильс. – Куда ты лезешь, девка, ну?!»

Но руку принял, рывком оттолкнулся и через секунду был уже около Рехта и Луизы. Позади прогрохотал по лестнице Линкс, кубарем прокатился по палубе и вцепился в ноги Нильса. Механик маргышкой вскарабкался по ремням и португее бандита и завопил ему в самое ухо:

– Кабель!

– Чего?!

– Перебит кабель управления! На сопле висит, сейчас упадем!

Нильс не был завзятым воздухоплавателем. Более того, когда машина оторвалась от иберийской земли, он проклял небо, богов, день своего появления на свет и прогресс, из-за которого умники вроде Братьев могли поднимать в воздух махины, которым там не место.

Он ничего не смыслил в дирижаблях, но, не имея возможности сойти, вынужденно запомнил некоторые названия частей «Этель». Кабелями управления назывались тросы, которые крепились к баллону с газом, а благодаря газу они оставались на плаву. Это был предел его познаний.

Рехт тихо заскулил, и Нильс с трудом поборол желание дать ему хорошую оплеуху. Кто хочет жить, пусть остается на земле! Механики принялись дергать какие-то рычаги и рубильники на приборной доске, пихая друг друга и сопя.

Луковка окинула спутников немигающим взглядом. Привычка смотреть на всех ящерицей появилась у нее после смерти брата и Чайки.

– Если прострелят баллон, мы сгорим за минуту, я правильно понимаю?

– Надо отстреливаться, – дернул подбородком Нильс. – Эта бандура умеет стрелять?

– Вся артиллерию с нее сняли, но...

– Никаких «но», – отрезала Луиза. – Мы пролетаем над землями Кантабрии, и, судя по всему, нарушили какой-то закон. Если откроем ответный огонь, то только спровоцируем пограничные войска, и тогда от нас даже пепла не останется. Мы будем прыгать. Сейчас.

От этих слов желудок Нильса рванул к горлу.

Там, под ними, под железным брюхом раненого дирижабля, были бессчетные метры, бессчетное количество секунд в агонии падения. Бандит сглотнул горькую от желчи и соленую от крови слюну.

– Ты рехнулась?!

– Мы не умрем, – пояснила Луиза. – У Братьев есть спасательные крылья, мы полетим на них до земли. Доставайте их. Быстро!

Рехт передал управление Линксу и заковылял по наклонному полу к ящикам с припасами. Еще один снаряд промчался мимо, треск рвущихся металлических жил стал нестерпим для ушей.

Пока Нильс жмурился от скрежета, Луиза всучила ему увесистый полотняный сверток.

– Как это делается? – звенящим голосом спросила она у механиков. – Я видела только чертежи!

– Так, продеваем руки под ремни, вот здесь. Теперь пряжку на животе. Туже затягивай, туже! Предплечья в эти петли. Готово!

– Как раскрывать крылья?

– В полете досчитай до десяти и дерни вот здесь. Все видели? – уточнил Рехт, стусевавшись при виде перекошенного лица Нильса.

Сил хватило только на то, чтобы не обругать всю троицу до седьмого колена и наклонить сведенную судорогой шею.

Как Братья открывали дверь, он видел смутно: в лицо ударила волна воздуха такой силы, что Нильс захлебнулся, закашлялся и закрыл глаза локтем. Дирижабль снова трянуло – видимо, треклятый кабель все же оборвался. Он почувствовал хватку тонких пальцев на плече и обернулся. Луковка все так же прожигала его взглядом бледно-голубых сумасшедших глаз, зрачки были маленькими, как игольное ушко.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! – проскрипел он.

Братья прыгнули первыми, на долю секунды он увидел две изломанные в воздухе фигуры.

Луиза ответила, но Нильс не услышал слов. Однако он сумел прочесть по губам:

– Не знаю, верю.

С этими словами она толкнула бандита в спину.

Через десять с половиной секунд он дернул за шнур, и лопатки рванулись вверх, выворачиваясь белыми крыльями.

Братьев она нашла первыми. Линкс и Рехт исхитрились в полете взяться за руки, и она проследила их сдвоенный полет до излучины мелкой речушки, на берегу которой стояла допотопная мельница с лопастями, выкрашенными в синий цвет. Эти лопасти хорошо были видны издалека. Приземлившись первыми, инженеры отследили траекторию остальных. Потому они уже спешили навстречу Луизе, когда она шла, не сводя глаз с синей мельницы и припадая на ушибленную ногу.

– Куда упал Нильс? – первым делом спросила она.

Братья повели ее в сторону леса, куда унесло бандита. На то, чтобы до него добраться, у них ушло больше часа, хотя в небе это были считанные секунды. Как только деревья перестали сливаться в одну зелено-коричневую полосу, они разглядели белесое полотно спасательных

крыльев, распростертое на пышных кронах. Луиза перешла на бег, несмотря на хромоту. Линкс и Рехт едва за ней поспевали.

Нильса обнаружили болтающимся в шести метрах над землей. Казалось, он спал.

– Нильс! – крикнула Луиза. – Нильс!

Тот открыл глаза и завопил, дергаясь, точно зверь в силках.

– Мать вашу, снимите меня отсюда!

Луиза приказала Братьям натянуть одно спасательное полотно над землей, и сама ухватилась за его край.

– Режь веревки! – велела она бандиту.

Нильс красочно описал, где и при каких обстоятельствах он видел Луизу, Братьев и всю их родню.

Лу вздохнула и выложила последний козырь:

– Ты боишься высоты? Вот уж никогда бы не подумала...

Вскоре Нильс уже стоял на земле, костеря науку и ее «поганных выкормышей». Пусть говорит, что хочет. Главное они живы и...

– Нильс, мы дома.

Еды у них не оказалось – все сгнуло вместе с «Этель». По словам Братьев, бедняжка все же загорелась в воздухе и рухнула где-то в полях в нескольких километрах от места, откуда в них стреляли.

Луиза в мужской одежде и Нильс с его железным оскалом и косами воина привлекли бы к путешественникам лишнее внимание. Так что было решено отправить в ближайшую деревню Братьев – купить припасов и разведать обстановку.

Крылья спрятали в лесу, укрыв их слоем гнилых листьев и земли.

Двигались быстро, голод только подстегивал их. Когда начало смеркаться, Луковка и бандит засели за небольшим холмом, откуда видны были черепичные крыши и дым из труб. Ветерок доносил до них запахи готовящейся пищи – тушеной капусты, толстых сосисок в хрустящей шкурке и вареного картофеля. Образы кушаний перед внутренним взором Луизы были так ярки, что ей уже мерещился вкус. Нильс развалился на молодом клевере, продолжая ворчать. На девушку он не смотрел. Видимо, злился за шпильку о страхе высоты.

Вскоре их спутники вернулись из разведки. Все в молчании набросились на снесь: острый домашний сыр и буженина оказались им пищей богов.

Проглотив огромный кусок мяса и отдышавшись, Луиза отерла рот тыльной стороной ладони и спросила:

– Узнали что-нибудь?

Линкс хмуро взглянул на нее из-под нечесанных светлых патл.

– Узнали. Такого лучше бы и не знать, – Линкс протяжно шмыгнул носом и начал рассказывать.

Кантабрия готовилась к войне, а потому военные на пограничных гарнизонах с большим подозрением встречали каждый поезд, каждый корабль. А заметив никем не заявленный дирижабль, летящий с юга, стали палить по нему без предупреждения.

– В деревне говорят, что видели валькирий, летящих по небу на крыльях. И что они – предвестницы кровопролития.

– Ты не слишком похож на валькирию, Линкс.

– Ты тоже, – огрызнулся инженер. – На, кстати, мы тебе юбку купили.

Бумажный сверток перелетел через небольшой костер и приземлился на ее коленях.

– Красную? В зеленую полоску?! – Луиза тряхнула головой. – Не важно. Что еще известно о войне? С кем она?

– Все говорят, это судья... твой отец, – глухо пробормотал Рехт. – Он убил олонского императора. И теперь... Короче...

Олово, притаившееся в крови Луизы, вскипело за доли секунды. Она поднялась на ноги и зашагала в ночь, в густой мрак, не разрезанный ни единым огоньком пастушьего костра. Ее звали, но девушка не откликнулась. Она шла бездумно, бесцельно, не разбирая дороги, пока ее и без того охромевшая нога не наткнулась на камень. Луиза пнула его и со стоном повалилась на траву. Клевер, покрывавший холмы, принял ее тело, как перина.

Луизе не хотелось смотреть на звезды. Ей не хотелось, чтобы звезды смотрели на нее. Легкая эйфория от полета и возвращения в Кантабрию сошла на нет. Лу спрятала лицо в ладонях.

Война. Отец. Агнесс, должно быть, в ужасе. Наверняка, она ненавидит Луизу за все, что натворила ее семья.

Но Луиза Спегельраф больше не будет убегать. Ни от своего имени, ни от прошлого. Она встанет перед глазами королевы и примет любое наказание – за себя, за брата, за отца.

К ее возвращению Братья уже спали, натянув куртки до носов и кепки до глаз.

– С облегчением, – буркнул Нильс, не отрываясь от жареной ножки то ли кролика, то ли курицы.

Луиза молча показала ему непристойный жест, но вокруг было слишком темно. Костер затухал.

– Там для тебя еще подарочек. Придавили, чтоб не улетел.

Она посмотрела туда, куда Нильс указывал полуобглоданной костью. Там, под камнем, лежал обтрепанный кусок бумаги с каким-то портретом. Луиза подняла груз и обомлела.

С плаката смотрело ее собственное лицо. Под изображением было ее имя, настоящее, полное. Еще слова: «живой и невредимой», выписанные крупными буквами и безумная цифра.

– Триста тысяч гульденов, – севшим голосом прочитала Луиза.

– Парни сказали, случайно увидели в трактире. Там была еще уйма таких бумажек, висят давно. Что думаешь?

Голова Луизы шла кругом, руки и ноги вмиг похолодели, олово присмирело, застыло.

– Под конвоем не пойду, – выдавила она. – Если сопроводите меня в столицу, получите деньги и поделите их поровну. Это будет справедливо. Но сначала...

– Что?

– Сначала я нанесу визит Крысиному Королю – он задолжал мне пару ответов.

Нильс с кряхтением запустил косточкой куда-то в темень и придвинулся к поникшей девушке. Он положил тяжелую руку на ее острые плечи и легонько стиснул.

– Я тоже хочу знать, что они сделали с Миннезингером. Если повадки Крыс не изменились за годы... – каторжник умолк.

Не в силах больше выносить тяжесть мира, Лу уткнулась лбом в его щеку, где под щетиистой кожей скрежетали железные клыки.

Они смотрели на биение жара в затухающих угольях, а звезды холодно наблюдали за ними с черного неба.

– Ты хоть знаешь, что делают с проигравшими в войне?

– Брось, ягненок, это всего лишь один посланец, – Уилл посмотрел на свет дарственную на особняк семнадцатого века, поковырял старинную печать и отложил бумагу в небольшую стопку. Просроченная долговая расписка была безжалостно скомкана и отправилась в недолгий полет до камина. – Он не станет угонять наших громил на рудники. Это невыгодно.

– Я имею в виду контрибуцию. Милошевич – политик, уж я-то знаю, о чем говорю, – подбоченилась Анхен. – И у него наверняка остались связи в Комитете, то есть прямо у нас

под боком. До того, как Крысы, поджав хвосты, бежали из Иберии, они успели нанести Дону большой ущерб. Ты согласен платить?

Уилл поднял на нее глаз. Его заместительница на крысином троне обычно справлялась со всеми обязанностями. Она могла подавить любой мятеж, ловко управлялась с цифрами и людьми, но, когда дело доходило до дипломатии, умывала руки и призывала к ответу его. Анхен избегала переговоров, ссылаясь то на нехватку авторитета, то на собственную вспыльчивость. Отчасти так оно и было.

Вот и теперь она настаивала, чтобы Крысиный Король принял посла от Дона лично. Ради этой цели она даже явилась в Дом Зодчего и оторвала Уилла от крайне занимательного занятия – он осматривал свои новые владения через призму документов.

Одноглазый Уилл, в свою очередь, находил в словесных пикировках удовольствие: он наслаждался диалогом, в котором обменивался фразами, как ударами. Но этот разговор с Анхен был точно таким же поединком, как и другие. Поэтому он продолжал парировать ее выпады.

– Платить не станем – вот и весь ответ. Твоих полномочий более чем достаточно, чтобы отправить его по любому адресу. Крысы на своей территории, а Дон на своей, мы даже не соседствуем, чтобы иметь друг к другу претензии. Да и в Углу теперь другой хозяин. *Finita!* – он разорвал в клочки истекшее поручительство.

Но для Анхен такой отповеди было недостаточно. Уилл видел это в каждом движении, когда она снова и снова обходила его новый кабинет, по привычке вколачивая каблук в пушистый ковер.

– Есть одна деталь, которая не дает мне покоя, – она покосилась на Уилла, наблюдая за его реакцией. – Я узнала о ней только пару часов назад...

– О, интрига! Золотце, тебе удалось меня заинтересовать, продолжай, – он покрутил кистью, призывая девушку говорить.

– У посла Дона есть Темное Лезвие. Из этого можно сделать два предположения. Либо этот человек убил одного из старой верхушки и завладел его оружием. Либо это перебежчик, который может до сих пор обладать авторитетом среди Крыс. В первом случае он по чистой случайности очутится на дне канала, и все будут довольны.

Анхен замолчала, сосредоточившись на вазочке с засахаренными орехами. Все же она чему-то да научилась – Уилл отчетливо ощутил себя на крючке любопытства.

– А во втором? – поторопил он девушку, когда пауза затянулась.

– Во втором он может оказаться тем, кто повинен в смерти твоих друзей.

Слова Анхен будто ударили его под дых. Уиллу показалось, что из кабинета главы Дома Зодчего разом пропал весь кислород. Строчки, написанные на гербовой бумаге чьим-то витиеватым почерком, расплылись, как раздавленные многоножки – такие же бессмысленные и отвратительные. Он отшвырнул лист подальше.

– У тебя есть свидетель, у тебя есть право требовать ответа. Если *ты* примешь его, все козыри будут у нас, – продолжала фрекен Монк.

– Закрой пасть.

Анхен непонимающе захлопала глазами.

– Ты снова увлеклась, золотце. Начало было хорошим, но не забывай, с кем говоришь и о чем. Не смей превращать мою злобу в партийку в преферанс. Ведь если я загорюсь, ты сгоришь вместе со мной.

Луиза узнавала и не узнавала Хёстенбург. Возможно, дело было в том, что она стала старше. И несчастней, чем была год назад.

Едва прибыв в столицу, она попрощалась с Линксом и Рехтом. Они оставили ей адрес, и Луиза твердо решила, что, если Агнесс помилует ее, она постарается помочь инженерам встать на ноги. В противном случае они, по крайней мере, получат деньги за ее поимку.

Луиза привыкла везде и всюду обходиться малым количеством вещей, но все же понимала, что встречаются по одежке.

В ателье сначала не хотели слушать Луизу: видимо, дело было в юбке кошмарной расцветки, купленной для нее Братьями, и пыльных сапогах с подковами. Но, как только девушка достала из кармана скрученные в тугой рулон деньги, их с Нильсом окружили вниманием.

Едва вытерпев попытку снятием мерок, бандит умчался на разведку, оставив Луизу на растерзание портнихам.

Она так привыкла к тому, что ногам ничего не мешает при ходьбе, что даже не могла представить себя в обычном платье. Поэтому Луиза выбрала укороченную амазонку и дамские брюки для верховой езды. Когда мастерица предложила ей несколько вариантов тканей, то, не раздумывая, выбрала черную тафту с черным же набивным узором. Ей не хотелось ярких красок. Лу щедро приплатила за срочность – заказ должен был быть готов к утру – и покинула мастерскую.

Нильс обнаружил ее за столиком летнего кафе. Лу заказала марципановый десерт и горячий шоколад, но так к ним и не притронулась.

– Не успела вернуться, как соришь деньгами, – проворчал бандит, присаживаясь рядом. Он даже не обратил внимания на то, как таращились на него другие посетители. – Сразу видно – аристократия.

Луиза не ответила. Она полностью была поглощена изучением газеты.

– Ну, что там? Написали про дирижабль?

– У прессы есть темы поинтересней нашего крушения. Они гадают, где мой отец, и что сделает с ним мой брат, когда окончательно придет в себя. К тому же, граждан мужского пола призывают вступать в ряды армии и пройти отбор в специальные войска. Что-то о боевых машинах Йохансона.

– Видал плакаты, на каждом углу висят. Ты это будешь или нет? – Нильс кивнул на сладости, и Луиза покачала головой, не отрываясь от чтения. – Чего еще нового? – поинтересовался бандит через минуту. Его рот был набит липким марципаном, над губой красовались шоколадные усы.

– Зверские побоища между бандитскими шайками столицы. Полиция бессильна это остановить и просто ждет, пока все само стихнет.

– Ага, новый Крысиный Король лютует, уже наслышан. А констеблям плевать, пока грязня затрагивает только отбросов.

– Здесь написано, что в предыдущую волну беспорядков людей находили повешенными на столбах, – Луиза провела пальцем по строчке в статье и слегка смазала краску. – Неужели он еще более жесток, чем Теодор?

– Сомневаюсь. Говорят, он молодой, вот и лютует. А как иначе себе имя сделать?

Луиза подперла подбородок ладонью и перевернула страницу, ничего не ответив. Кем бы ни был этот новый король низов, она вызнает у него все о судьбе Олле. Если понадобится, пустит кровь. Только бы подобраться поближе.

Нильс пытался вытряхнуть себе в рот остатки шоколада, перевернув чашечку и хлопая по ее дну. Почтенная публика роптала, наблюдая за ним.

– Ты передал информацию, о которой я говорила?

– Передать-то передал, – игнорируя салфетку, Нильс утирался и без того грязным рукавом, под которым до сих пор виднелись бинты. Рана, оставленная Луизой, еще не зажила. – Вот только к чему им знать, что у тебя Темное Лезвие? Меньше шума – меньше риска.

– Если я заявлюсь от имени Дона, имея при себе только его письмо, это не произведет должного впечатления, – начала разяснять Луиза. – Мы не увидим Худшего из Худших. Нас примет его правая рука и то, если повезет. Борислав слишком далеко, чтобы внушать уважение спустя столько времени. Во мне должны видеть не просто вестника, но угрозу. Только тогда Одноглазый Уилл встретит меня лично. А что может быть опаснее бывшего приближенного Теодора? Мне слишком часто приписывали этот титул, чтобы так им и не воспользоваться.

– Отличный план самоубийства, – подбодрил ее бывший каторжник, но от дальнейших комментариев воздержался.

Лу аккуратно свернула газету и оставила ее на столе – вдруг какой-нибудь бедолага захочет почитать новости или укрыться от непогоды? Пускай возьмет.

Вдалеке заворчали, сталкиваясь, тяжелые облака. Лу покосилась на вершину холма, где виднелся отстроенный заново королевский дворец. Это был не тот дворец, не ее замок-торт, в котором она росла, скрываясь от чужих глаз за гобеленами. Всего лишь двойник.

– Будет гроза, – заметила она.

Нильс равнодушно кивнул, хоть и подумал, что гроза – это слишком мягкое слово.

Самым ценным качеством Анхен Монк, помимо беспощадности и полного отсутствия совести, было умение брать на себя ответственность. В то время, пока она отдавала приказы по подготовке к приему посла, Уиллу оставалось готовиться только морально.

Она сама решила, что встречу стоит провести не в личном кабинете под крышей, а в зале, имевшем наиболее презентабельный вид. Также фрекен Монк распорядилась об охране и сопровождении, не забыла она и о напитках, которые создавали бы видимость «правильных переговоров». По ее мнению, это был исключительный случай, когда стоило сыграть в престиж.

– Вазоны бы еще расставила. С цветучками, – проворчал кто-то, за что тут же поплатился вывихнутым запястьем.

Одноглазый Уилл стоял перед зеркалом и не видел себя. Он не утратил зрения, и единственный глаз пока служил ему исправно. Он прекрасно видел ладно сидящий костюм от лучшего портного, накрахмаленный стоячий воротничок и даже кожаную повязку, скрывавшую его увечье. Но Уилл не видел в отражении *себя*, хотя надеялся заглянуть на самое дно собственной души и разглядеть там лицо гнева.

За его спиной тяжело дышал Павел. Он и раньше сопел, как медведь, за что и получил свое первое прозвище, но после ранения в легкое каждый его вздох отзывался то хрипом, то присвистом.

Уилл запустил руку в блюдо с перстнями и начал нанизывать их на пальцы. При необходимости, камни могли заменить кастет.

– Молчи, пока я не повернусь к тебе. Даже если узнаешь его в лицо – не произноси ни слова.

– Ты уже говорил. Мне стреляли не в голову, так что я помню, – пробасил Вербер.

– Я рад, что твоя голова не пострадала, – Уилл несколько раз сжал и разжал кулак.

Он обернулся и увидел, что Павел сидит, сгорбившись и сложив большие ладони на коленях. На людях, где он представлял личным охранником Худшего из Худших, Вербер смотрелся угрожающе – плечистый великан с руками, способными переломить хребет, как спичку. Но маленькие голубые глаза прирожденного громилы смотрели на мир с такой беспомощной тоской, что Уилл иногда жалел, что после возвращения привязал парня к себе. Шел бы своей дорогой, подальше от сточных каналов и грязных дел.

Вот только Павлу было некуда податься. Он уже наведалься в деревню Маришки, и его там не ждали. Родители жены не пустили зятя на порог. Дочь они умудрились повторно выдать замуж за зажиточного фермера, в качестве приданого использовав его долю от куша.

Тогда Павел вернулся в Хёстенбург и остался в Углу. Он не был бойцом, только видимостью.

– Встряхнись, дружище, – Уилл выжал из себя самую искреннюю улыбку, на которую еще был способен. – Может быть, это наш клиент. А может – и нет. В любом случае, мы сила, с которой нельзя не считаться! А если вздумает брыкаться, мы натравим на него нашего ягненка. Ты видел фрекен Монк в гневе?

– Не видел, но наслышан, – отозвался Павел. – Я вот что подумал, Олле...

Уилл поморщился, но поправлять старого товарища не стал.

– Что, если я ошибся, и кто-то еще выжил, и до сих пор там, возможно, в передрыге еще худшей, чем та, в которой побывал я? Хотя... Забудь. Я, видно, спятил. Спятил от пустых надежд.

Крысиный Король посмотрел на свои перстни. Подумал еще раз и развернул каждый камнем внутрь.

– Вот сегодня и узнаем.

В сопровождении Вербера Одноглазый Уилл спустился в зал, где Анхен удалось создать торжественную и немного зловещую атмосферу – там было слишком чисто. Сияли даже пепельницы, обычно напоминавшие дохлых ежей.

Уилл сел во главе стола, Анхен заняла место по правую руку, а Павел с еще одним охранником – за его спиной. Специально отобранные для «кордебалета» крысы выстроились у стены.

Ровно в назначенный час дверь зала отворилась и... в нее влетел карманник по кличке Клоп.

– Вы не поверите! – громким шепотом возвестил он. – А посол-то «мордашка»!

Крысы загудели, Анхен переменялась в лице и так грозно цыкнула на Клопа, что тот исчез быстрее, чем грош из кармана. И прежде, чем дверь за ним захлопнулась, ее подхватила другая рука.

Не успел Уилл осмыслить тот факт, что посланник Дона Милошевича оказался девушкой, как в зал вошел светловолосый, строго одетый мужчина. На нем был синий костюм тройка и кипенно-белая рубашка. Незнакомец настороженно, по-волчьи повел жилистой шеей, будто обнюхивая комнату и, наконец, повернулся лицом к Уиллу.

Крысиного Короля будто обдало кипятком от взгляда этих ледяных, глубоко посаженных глаз. Едва владея собой, он стал медленно подниматься на ноги, но тут, из-за плеча мужчины показалась маленькая черная шляпка, еще миг – и он увидел ее обладательницу. Рыжеватые волосы до плеч полыхнули луковым золотом в тусклом солнечном свете. Вот она вошла, подняла ресницы...

Уилл окаменел, так до конца не определившись, стоять ему или упасть замертво.

Комнату затопило молчание.

У молчания Уилла, Нильса и Луизы было много общего. Павел еле сдерживался, чтобы не закричать во весь голос. О причинах пораженного молчания Анхен Монк знала только она сама.

Крысы молчали из совершенно нормального человеческого любопытства и опаски перед Худшим из Худших, который до сих пор не издал ни звука. Они переводили бегающие глаза с посланцев далекого иберийского босса на своего Короля, ожидая приказа.

Девушка в черной амазонке прижимала к груди стилет из темной стали. Ее костяшки побелели так сильно, что казалось, она готова кинуться со своим оружием на Одноглазого Уилла. Ее спутник также вперил враждебный взгляд в их предводителя. Сам Крысиный Король

вцепился в край большого стола, будто боялся свалиться на пол. Никто не знал, сколько продлится эта немая сцена.

Первой нарушила тишину посланница.

Она резко вздохнула, раздув точеные ноздри, и заговорила:

– Луиза Бригитта Спегельраф, доверенное лицо Борислава Милошевича, к вашим услугам. Вы предложите даме присесть?

– Лу.. Луковка, – едва слышно просипел охранник Уилла Вербер. В его голосе звучали слезы.

Наконец, отмер сам Одноглазый.

– Вон... Все. Пошли. Вон!!!

Луиза не шелохнулась, как не повел бровью и Нильс. А Крысы, подталкиваемые личной охраной Уилла, быстро оказались выдворенными из зала. И, будто этого было мало, гвардия оттеснила любопытствующих от дверей, лишив их возможности подслушать.

Луиза сосредоточенно чередовала вдохи и выдохи, потому что только это позволяло ей оставаться в сознании. Не утратить рассудок, не потерять самообладания.

Секунды шли, а ее душа разрывалась между недоумением, восторгом и гневом. Она не находила ни единого слова ни на одном языке, который знала, чтобы выразить то, что испытывала, глядя на Олле.

Лу не замечала никого вокруг, даже когда вокруг них с Нильсом засуетились люди Крысиного Короля, спешно покидая душную прокуренную комнату. Нет, не Крысиного Короля. Это были люди Олле Миннезингера, занявшего преступный трон Хёстенбурга. Как это возможно? Он сменил имя, назвался Одноглазым Уиллом. Почему?.. Только дойдя до этого звена цепочки, Луиза разглядела повязку, пересекавшую лицо Олле. Это стало последней каплей.

Она сделала пару шагов и опустилась на стул, быстро подставленный Нильсом. Что-то поднималось изнутри. Не дурнота, не ставшее привычным кипящее олово. Горечь утраты стала невыносимой. Увидев Олле среди Крыс, во главе Крыс, Луиза почувствовала, что он потерян навсегда. Даже мстить некому.

Отняв от груди стилет, она с осторожностью положила его на стол и отодвинула от себя.

– Я пришла... вернуть это.

А она сама? Та ли она девушка, которой Миннезингер пел старинные баллады? Та ли она, кого Олле целовал в висок и обещал ждать взаимности? Учил улыбаться солнцу и искать свое течение? Робкая Луковка, которую хотелось защищать, сгинула в Иберии. Она лежит под корнями гранатового дерева и видит смертный сон о возвращении домой.

Луиза закрыла глаза и запрокинула голову в отчаянной попытке не расплакаться.

– Что скажешь нам, Миннезингер? Или, в придачу к глазу, ты и язык посеял, а? – проревел над ней Нильс. – Какого тролля ты вообще живой?!

Луиза Спегельраф закусила губу, борясь с собой.

– Луковка.

Услышав его голос, она только сильнее зажмурилась и замотала головой. Как это выглядело со стороны, ее не волновало.

– Луковка...

– Не приближайся к ней! Сначала будешь держать ответ передо мной! Еще шаг, и я тебе грудину проломлю, крыса!

– Нильс, я...

– Она похоронила тебя, понял?! Почти год ходила невестой мертвеца, чтобы никто не позарился! А теперь приехала мстить, выпустить кишки твоему убийце! Думаешь, она рада тебя видеть?!

Вдох, выдох. Дышать. Не смей плакать, как бы слезы не жгли зажмуренные до боли глаза.

– Она ждала тебя. Верила, что ты приедешь следом, верила, что ты на это способен. Но теперь я вижу, на что ты способен. Думаешь, не знаю, как надевают Грошовую Корону? Ты убил Теодора, но предпочел не освободиться, а занять его место. Править стоками. Даже я бы отказался от такой радости. Но не ты, нет, тебе этот трон, видать, впору пришелся!

Олле едва оправлялся от обвинения, как Нильс швырял в него новое. И ни на одно у него не находилось достойного ответа. Бывший товарищ стоял между ним и Луизой, которая обернулась изваянием неизбывной скорби, будто он действительно умер.

Для него же ее появление в мире живых было чудом. Она носила траур по нему? Его сердце тоже почернело от утрат. Она верила, что он догонит их? Но как, если на его ногах были кандалы несуществующего долга? Луковка, милая Луковка, слишком много надежд возложила на человека, который давно сломался.

Она изменилась. Олле помнил фею, чей образ был выписан невесомыми мазками акварели. Теперь он видел молодую женщину из плоти и крови, из стали и яда. И она плакала по нему, как по усопшему.

Олле Миннезингер нашел бы слова, чтобы усмирить гнев Нильса, утешить Луизу, он бы спел песню, которая бы заставила их глаза блестеть от веселья. Но Одноглазый Уилл не знал таких песен, он забыл все верные слова.

– Если тебе нечего нам сказать, мы уходим.

С этими словами Нильс взял Луизу за запястье – его Луизу, которую каторжник находил раздражающей, глупой, подозрительной, в конце концов – и, поставив на ноги, повел ее к дверям.

– Стой, Нильс, – неожиданно твердым голосом произнесла она. – Я кое-что забыла.

Луиза вытянула из рукава белый конверт и положила его рядом с черным стилетом.

– Это письмо от Дона. В нем сказано, что он не желает новой войны между бандами и предлагает мирное сотрудничество. На этом у меня все.

Глядя на ее удаляющуюся спину, затянутую во вдовье платье, Уилл по-прежнему не мог выдавить ни слова. У него был единственный, совершенно невозможный в этом гнилом мире шанс повернуть все вспять, а он упускал его прямо сейчас.

В последнюю секунду она обернулась и сказала:

– Ты все же стал драматургом улиц. Поздравляю.

Глава 6. Один к шести

Мать не разговаривала с ним. Она умолкла четыре дня назад, ровно в тот момент, когда обнаружила контракт на письменном столе в его комнате. За Эльсе Юнсон и раньше водилась привычка рыться в вещах сына, выискивая то ли трофеи, то ли улики. Служанка даже не допускалась в его комнату для уборки. Но, в отличие от открыток с едва прикрытыми девицами, гербовой бумаги Густав не прятал.

Он видел, как мать подошла к столу у окна, не выпуская влажной тряпки из одной руки, другой поднесла документ к глазам. Он смотрел ей в затылок, стоя у дверного косяка, и представлял, как шевелятся ее губы при чтении:

«...добровольно... защита Родины от армии олонских агрессоров... в случае гибели при исполнении долга...»

Дочитав, фрау Юнсон беззвучно выпустила бумагу из пальцев. Развернулась на стоптанных каблуках и покинула комнату единственного сына, так и не взглянув на него напоследок. Затем она заперлась у себя и с тех пор не выходила. Выкурить ее оттуда не смогли даже соседки, хоть и принесли к чаю ее любимый кекс с имбирем и гвоздикой.

Через четыре дня Густав впервые заметил, что на столике для умывания появился тонкий налет пыли.

Отец же, напротив, сделался до неприятного говорлив, будто все годы, когда за него высказывалась жена, у него накопилось немало слов. Почти так оно и было: мать частенько приговаривала «отец считает» или «отец велит», сам герр Юнсон в тот момент только кивал или кряхтел, прищелкивал языком или горестно вздыхал.

– ...двадцать тысяч гульденов за четыре года обучения на факультете философии, – размеренно бубнил Франц Юнсон, владелец немаленького для провинции магазина мыла и парфюмерии. – За то, что ты бросил обучение, с нас также удержали пеню в полторы тысячи гульденов и сорок восемь грошей. Я поднял все квитанции и выписки. Проживание в отеле – сто семьдесят девять гульденов в месяц, обеды в ресторане отеля...

– За обеды я платил сам! – не выдержал Густав, оторвавшись от сборов. Шесть пар одинаковых носков тонкого плетения уже лежали на дне его нового вещевого мешка. Стопка рубашек, пахнувших лавандовым мылом, ожидала своей очереди.

– Пока проматывал комитетское жалованье – сам, – легко согласился отец. – А потом просил записать на твой счет вино, услуги прачки, новые перчатки, табак, бумагу, чернила. А когда пошли карточные долги и счета из домов терпимости, мать...

Густав отшвырнул забракованную записную книжку на край кровати, но та соскользнула и, раскрывшись на середине, шлепнулась на ковер.

– Если ты собираешься до смерти припоминать мне каждый грош, то лучше я умру как можно скорей!

Герр Юнсон переплел и стиснул толстые пальцы. «Пальцы лавочника», – с раздражением отметил молодой человек.

– Я только хотел сказать, мне ничего для тебя не было жаль.

Густав не нашел слов для ответа. Он привык думать, что отец записывал в гроссбух все траты на сына и, когда тот вернулся домой, подвел черту, подсчитал сумму и процент, и теперь ждал, пока Густав отработает каждую мелочь. Слова ободрения? Быть того не может. Всего лишь уловка, чтобы прогнуть под свой образ мышления.

Негоже выбиваться из толпы: если уж ты рожден торгашом, то будь добр каждый день стоять за прилавком с девяти до семи, в двадцать пять жениться на соседской девице, в шестьдесят передать дела сыну или зятю, а в семьдесят умереть от разрыва ожиревшего сердца, рухнув лицом в капустную грядку.

Но Густав Юнсон был не таков. Свою исключительность он осознал в тот самый день, когда повстречал Жоакина Мейера. Того самого Жоакина Мейера. Это был человек, переломивший ход жизни всей страны и собственную судьбу. Рожденный сиротой в занюханной деревне, он влезал все выше, шел по плечам и спинам, дотянулся до вершины! Истинный философ и великий муж, хоть и оболганный после смерти.

Уже в Орене Густав часто думал, что он мог бы остаться в Комитете. Гордость вышла ему боком, надев ярмо семейного дела на шею. Но теперь у него появился новый шанс, какой выпадает далеко не каждому поколению – шанс стать героем. Ради такого стоило и родиться, и погибнуть.

На следующий день он закрыл за собой дверь и отправился в комиссию, откуда его должны были увезти в учебный корпус. Дом за его спиной был тихим и будто бы пустым.

Врачебный осмотр показал, что Густав не годится в авто-войска. Это обескуражило его, но не слишком – требования были высоки, даже выше, чем в авиацию. Боец должен был пройти дополнительные тесты на координацию, остроту слуха, кровяное давление и устойчивость к головокружению. Именно по последнему пункту Густав не подошел и, уже когда сполз с тошнотворно вращающегося стула, не жалел об этой неудаче. По-настоящему его подкосил провал на пробах в кавалерию. Да, авто-войска были на пике прогресса, служить в них было почетно, но ничто так не дополняет образ патриота, как верный конь.

– Ниже нормы на три сантиметра, – буркнул лейб-медик средних лет. – Следующий!

– Подождите, это, должно быть, сутулость, только сутулость. Сидячая работа... Измерьте еще раз, прошу! Я выпрямлюсь!

Медик посмотрел на него скептически, пожал плечами.

Густав сосредоточил всю свою волю на том, чтобы расправить спину, в его воображении напоминавшую вопросительный знак, потянулся теменем к потолку комиссии. Что ему эти три, он разом станет выше на пять! Они увидят!

– Ниже нормы на два сантиметра.

– Это ошибка!

– Парень, ты в армию пришел, а не в театре ногами дрыгать, – одернул его медик, возвращая тонкую папку с документами. – Тут ошибаются только один раз. Следующий!

Униженный, Густав отправился дальше.

Комиссия приминала новобранцев, отсеивая тех, кто был достоин распределения в войска особого назначения: авто-войска для управления «кентаврами» Йохансона – о, эти проклятые Йохансоны! – кавалерия, пилоты целелинов, связные... Прошедших отбор распределяли по корпусам, где им предстояло пройти обучение. Непригодные ни к чему выдающемуся отправлялись в корпуса инфантерии, то есть, пехоты.

У последнего этапа отбора Юнсоном заинтересовался один из рекрутеров. Обнаружив в его деле отметки о членстве в Комитете и учебе в университете, тот предложил ему службу при штабе. Густав с негодованием отказался. Разве в штабе можно совершить подвиг? Штаб – место для труса, желающего отсидеться за чужими спинами и выжить. Густав шел на войну за бессмертием.

– Другого шанса не будет, – рекрутер тут же потерял к нему интерес. – А жаль, нам нужны грамотные.

Добровольцев было много. Больше, чем ожидал Густав Юнсон. Голые по пояс, с бритыми головами, они казались единой массой, но даже так мужчин можно было разделить на группы. Изукрашенные грубыми синими татуировками парни держались дерзко, толкали, подначивали друг друга. Загорелые крестьянские сынки смиренно следовали от стола к столу, не

зная, куда девать руки, когда у них забирали документы. Работяги с впалыми животами и жилистыми шеями ходили большой группой и ожидали, пока подтянутся их товарищи. Их похабным шуточкам не было конца. Бледные конторщики и прочие «грамотные» старались ни с кем не соприкоснуться незащищенным телом и ходили поодиночке. Густав относился к последним, но почему-то мгновенно проникся к ним отвращением.

«Полюбуйтесь на будущих штабных!» – злорадно думал он.

Несмотря на различия во внешнем виде и поведении, всеми владел общей настрой. Каждый из них – от проходимца уголовного вида до последнего вшивого интеллигента – шли за славой. Многоголосье шипело со всех сторон: шанс, шанс, возможность, случай. Кто-то громко примерял воображаемые ордена и лычки, кто-то хохотал. Все нервно теребили друг друга, будто им не терпелось вступить в рукопашную.

«Зададим жару вонючим свенскерам!»

Свенскерами – брюквоголовыми – с чьей-то легкой руки начали называть олонцев. Никому не нравится брюква, вязкая и волокнистая дрянь, а, по слухам, олонские крестьяне уминали ее за милую душу. Бойкое и злое слово разлетелось, как пожар.

Густава обуревала ревность. Ему виделось возмутительным, несправедливым, что остальные пришли сюда с той же целью, что и у него. Он чувствовал себя обокраденным.

Вскоре Юнсон осознал, что все комиссии пройдены, а он так и не пришелся ко двору ни в одно из специальных войск. Теперь ему была дорога только в пехоту. На долю секунды шевельнулось сомнение, но Густав тут же растоптал его. В убожестве окопов и кровопролитных штыковых атаках его потенциал засияет, как никогда, как нигде прежде. Быть может, он даже напишет об этом книгу. Да, великую книгу. Утешившись новыми фантазиями, Густав с гордо поднятой головой отправился на плац, где новобранцы строились для отбытия в пехотный корпус.

Муштра возмущала все его существо. Подчинение здесь было порядком, любовь к стране – только дисциплиной, и даже чистота, вынужденно царившая в казармах, оправдывалась страхом.

Хотя это не был страх за жизнь или здоровье, он был рычагом управления, тем, что насильственно вытаскивали из низших уровней организации души и заставляли уверовать в него, как это бывало в детстве. Ты не получишь сладкого, если выпачкаешь новые штаны – говорили взрослые; если ты не заправишь кровать или не упакуешь ранец должным образом, то будешь скрести полы зубной щеткой, пока твои руки не откажут, а глаза не перестанут видеть – говорили старшие по званию. В других выражениях, разумеется. Страх наказания почти вытеснил понимание происходящего и осознанность гражданского долга, которыми Густав дорожил раньше.

«Военная служба сделает из вас мужчин», – так твердили новобранцам изо дня в день. Отчасти рядовой Юнсон верил в это. Отчасти он был готов смирить свою гордость, вытерпеть, вынести, стиснув зубы. День за днем он убеждал себя, что должен пройти через это, не сломавшись. Так нужно.

Густав усердно упражнялся в беге, хотя до этого бегал разве что за трамваем в Хёстенбурге. Врачи говорили, что курение подрывает здоровье легких, и это мешает свободному движению, но солдаты все равно дымили, точно заводские трубы, а сами папиросы служили чем-то вроде валюты. В ответ на письмо матери, что прислать ему, он велел упаковать несколько коробок табаку. Густаву нравилось думать, что он умеет выживать в любой среде.

Он тягал по плацу, вскидывал на плечо, собирал и разбирали винтовку «Визель», учился штыковому бою. В собранном виде треклятый «Визель» был выше его плеча. К нему также

полагалась патронная сумка и комплект пуль. Привести винтовку в состояние полной боевой готовности нужно было меньше, чем за десять секунд. Также рядовому пехотинцу полагались нож, португепя, фляга с водой и нескладные сапоги, превращавшие ноги в подобие жаб: зловонных, покрытых мокнувшими мозолями после учебных марш-бросков. Довершал все это ранец весом с нечистую совесть.

Но никакие тяготы обучения не шли в сравнение с тем, с каким скрипом и скрежетом Густав пытался вписаться в компанию. Он инстинктивно почувствовал это еще в комиссии: такому, как он, здесь не рады. От Юнсона отворачивались, не ждали, когда он отставал, не обращались к нему, пока он не задавал вопрос.

На его руках не оставил отпечатка физический труд – и он остервенело работал. Его кожи не касался загар – и он выжигал кабинетную белизну под злым июньским солнцем. Когда Густав пытался пошутить во время перекура – все тут же умолкали, и он закипал, оставшись дураком в этой отчужденной тишине. Речь Юнсона загрубела так же быстро, как и его ладони. Он презирал всех и каждого, но отчаянно хотел быть неотличимым от большинства, точно гусеница, которая питается листом и, в то же время, сливается с ним окрасом.

– Брось, всем не угодишь. Мамка моя говорит, человек человеку волк, – вразумлял его Ханс, малорослый и малахольный сын мельника, которого Густав считал недоумком, но против его компании не возражал. – Вот попадем на фронт, они уж носа воротить не станут.

Хансу папирос не присылали, и он почуял, что Густав, табаком обеспеченный, не станет давить его сапогом за малую подачку. Он всюду таскался за Юнсоном, точно костлявый телок на веревке, чуть что поминал мамку и родную деревню. Ханс не был похож на боевого товарища, которого Густав хотел бы заслонить от вражеских пуль или навещать в госпитале, где, конечно же, будут милovidные сестрички в белых передниках, но выбора у него пока не было.

Густав Юнсон жалел, что работа в Комитете занесла его на швейную фабрику, а не в доки, где он научился бы одним словом вызывать уважение других мужчин, тех, кто был сильнее и старше его. Вместо этого он распинался перед малограмотным бабьем и другими такими же общипанными студентками во время собраний на бирже. Но нет, тогда ему хотелось, чтобы на него с восторгом взирали чьи-нибудь голубые глазки.

В какой-то момент он хотел использовать свои знания о правах рабочих, ввернув в беседу пару тезисов из собственных лекций. Его ожидания не оправдались.

– Мейер твой – харчок. Его на конце повертели и выкинули. Мейер! Он был вообще?!

Ответить Юнсону не позволили. В разговор вклинился другой новобранец:

– Молчи, морда. Мейер хоть и помер, а армию поднять успел!

– Ты-то откуда знаешь? Газет начитался? Так раскрой глаза пошире, тебе туда еще и нассут. Все Гильдии, попомните мои слова, все они воду мутят. И война им только фиалками карманы набьет. А нам – потроха пулями!

– Так чего ж ты добровольцем записался?!

– Дурят нашего брата, ой, дурят!

– Девки-королевы виноваты. У нас одна и у свенскеров вторая. Суки шелудивые.

Кто-то вступился за королеву Агнесс, помянули Иоганна Линдберга, и завязалась перепалка, грозившая перерасти в безобразную драку. Возня привлекла внимание интенданта корпуса, и конфликт погас быстрее, чем вспыхнул. Но Густав зарекся говорить с однополчанами о политике: слишком разнились взгляды тех, кому предстояло встать плечом к плечу. И в этом крылась опасность не меньшая, чем сама война.

Спустя месяц обучения, в их корпус прибыло командование. Учинили большой смотр. Полтора часа они только и делали, что козыряли, брали на караул и выполняли бессчетные приказы:

«Нале-во! Напр-раво! От кавалерии закр-ройсь!»

Мундир пропекся, как картофельная кожура. Пот стекал из-под фуражки и заливал глаза. Густав хотел бы оглянуться, удостовериться, что он справляется не хуже остальных, но нельзя. И он смотрел прямо перед собой, с усилием смаргивая с ресниц жгучую влагу.

Строевую подготовку принимало двое высокопоставленных господ с сопровождением. По слухам, которые ураганом пронесли по столовой, прибыл сам генерал инфантерии Богельман, в пехтуре прозванный Богелем. Вторым был его адъютант, молодой человек с темными волосами и по-девичьи тонкими чертами. Он стоял за плечом Богельмана, заложив руки за спину; на бойцов глядел так пристально, будто пытался высмотреть в строю знакомое лицо. Этот одним только хлестким прозвищем не отделался.

Бывший шеф полиции Хёстенбурга, фаворит королевы, сын мятежного герцога. Клемент Спегельграф.

Густав читал в газетах, что зимой на него было организовано покушение, а весной его люди, наконец, отправили в тюрьму самого жестокого убийцу последнего десятилетия. Журналисты открыто зубоскалили по поводу того, что сделано это было не с первой попытки. О личности самого убийцы почти ничего не было сказано, кроме того, что он возмутительно, неправдоподобно юн.

Вскоре после того происшествия шеф Спегельграф сложил с себя полномочия.

О том, что брата собственного супруга пригрела королева, Густав слышал от матери, соседки которой предпочитали прессу иного сорта. Фрау Юнсон не раз пересказывала эту сплетню за ужином, то возмущенно, то растроганно, несколько не смущаясь молчанием своих домочадцев.

Рядовой Юнсон с любопытством разглядывал этого мужчину, своего ровесника, который, казалось, был равнодушен к собственной славе с душком скандала. Или же его броня была толще и прочнее, чем у машин Йохансона.

После смотра новобранцам дали четыре часа вольницы до ужина. Неслыханная роскошь. Многие засобирались в ближайшую деревню, чтобы выпить в местном кабаке и вернуться в корпус до отбоя. Другие, хрипло перекликаясь, отправились на поле играть в кегли. Густав огляделся, но не увидел Ханса: ему не терпелось поделиться с кем-нибудь мыслями, а в плане надежности Ханс был подобен могиле – он не понимал и половины сказанного Густавом.

Настроения на выпивку у него не было, а поиграть в кегли его никто не звал, поэтому рядовой Юнсон в одиночестве отправился в казармы. Он с наслаждением опрокинул на себя несколько ведер подогретой воды, переоделся в чистое и вытянулся на койке. Но едва он начал погружаться в дрему, как кто-то схватил его за плечо и потряс.

Густав рывком сел на постели и увидел перед собой Ханса. Его форма была перепачкана желтоватой жижей, в воздухе висел запах разваренного гороха и шкварок. На Хансе не было лица.

– Что за..? Это что, суп?

Сын мельника скривился:

– Мы выступаем. Они сказали... сказали... мы едем на передовую.

– Конечно, мы едем на передовую, Ханс, – нетерпеливо бросил Густав. – Для этого мы и записались в добровольцы.

С этими словами он повернулся на другой бок. Своей идиотской выходкой деревенщина отбил у него желание общаться.

– Нет, нет! Не потом, сейчас! Уже завтра...

– Ты бредишь. Нам еще рано.

– Не брежу! Я слышал этими ушами, не должен был, а слышал, – Ханс заметался по узкому проходу между койками, его бормотание все больше напоминало скулеж.

Что-то в словах недоумка насторожило Густава, хотя в другой раз он бы просто посмеялся. Их, новобранцев, должны были обучать еще полтора месяца, а после распределить по

батальонам и выдать назначение в разные части. Но вдруг планы изменились? Густав снова встал. В вещевом мешке под кроватью хранились картонные коробки с папиросами. Он достал пару, одну сунул себе в зубы, другую в руки Хансу. Тот мигом заткнулся.

Дымить в казарме запрещалось, но окна были распахнуты, а вокруг ни души. Докурив папиросу до половины, Густав выщелкнул ее на улицу.

– Рассказывай.

Ханс ссутулился на краешке опрятно заправленной койки. Одной рукой он методично подносил окурок к губам, а второй пытался скovyрнуть приставшую к сапогам вареную морковь.

– После смотра меня перехватил интендант. Велел помочь поварам. Он принимал генерала Богельмана и майора Спегельрафа у себя, и надо было принести еду в его кабинет. Ну, я и пошел. А там услышал. Они говорили, в феодах олонцы взяли крепость Валликрав, наши пытались ее отбить, отбросить их назад, и не смогли. Герр Богельман идет на помощь, но ему не хватает людей. Интендант даже крикнул, что мы не годимся еще, а Богель как хватит по столу кулаком! Сразу видно, большой человек, начальство! Он сказал: «В расход пойдут, если надо». Мы отбываем завтра, дело решенное. Как услышал все это, то вот – расплескал, – Ханс провел ладонью по изгвазданной форме. – Интендант меня обругал, дескать, свинья косорукая, и отослал прочь. Я почти ничего и не понял, но мне... так страшно стало.

Что-то не складывалось в рассказе Хайнца. Крепость Валликрав находилась в сердце феофов и не имела связей с Кантабрией, кроме торговых. Валликравцы могли бросить клич о помощи могущественному соседу, которого и так вскоре должны были втянуть в военные действия. Но к чему генералам было швырять в это горнило совсем еще зеленых новичков, которым бы еще упражняться и упражняться? Бессмыслица.

– Что еще они говорили? Слова, фразы – что угодно. Повтори! – потребовал Юнсон.

Ханс долго молчал. Густав почти слышал, как проворачиваются шестеренки в его мозгу. Ему хотелось огреть Ханса по голове, спихнуть с койки, на которой он сидел, едва касаясь тощим задом, отвесить пинка. Но он ждал.

– Вспомнил, – сын мельника удивленно расширил глаза. Он и сам не ожидал, что память выдаст ему недостающий фрагмент. – Не Богель говорил, а майор Спегельраф. До того, как генерал стал по столу стучать, он тихо так начал объяснять интенданту, что страна не может себе позволить долгую кеп... кумп... кумпанию. Во! Потому как кризис продовольствия и что-то там еще. И что надо отбросить олонцев как можно раньше, до осени. А потом уж Богель прервал его и заорал про «пустить в расход». Кстати, что это значит? Я слова-то припомнил, а вот как их понимать?..

Густав и сам не до конца сознавал, что следует из слов майора. Хотел бы похвастаться знаниями, как делал это прежде, но не мог. Он ведь изучал не военное дело, а философию, и то не слишком прилежно, предпочитая лекциям собрания Комитета. Но кое-что все же давало зацепки, все как одна – безрадостные. Особенно ему не нравился «кризис продовольствия». Если уж все дело в нем, то жди проблем с обеспечением. С едой.

Он свысока покосился на Ханса, который глядел на него со смесью надежды и ужаса.

– А то и значит, мой необразованный товарищ по несчастью, что мы должны порвать свенскеров в клочья. И чем быстрее, тем лучше.

Андерсен, Юргенсон, Свенсен, Мадсон...

Густав отер лицо рукавом, в ушах стоял назойливый писк. Он дышал через рот, и вдохи отзывались где-то в глубине черепа.

Вольсен, Хендриксон, Карсен, Бергерсон, Юнсон...

И «сен» и «сон» на концах их фамилий значит «сын». «Сены» с севера страны, «соны» – с юго-востока. И все чьи-то сыновья.

Юнсон, Юнсон, Юнсон...

– Юнсон! Не спать! – рявкнул кто-то совсем близко. – Шевелись, бегом!

Густав оттолкнулся от проседающей от дождя земляной стены окопа, выкатился наружу, неуклюже поднялся и побежал.

Исполинская крепость Валликрав возвышалась над бывшей зеленой долиной. От его стен лучами расходились улицы пригорода. Когда-то они пестрели рынками и мастерскими. От них уже ничего не осталось. Там, где когда-то должно было пахнуть хлебом, теперь стояла вонь жженого мяса и резины.

Все ближе крепостные стены. Это вторая волна атаки за сегодня. Мышцы разрывало болью, ноги были как деревянные подпорки, которые чудом слушались тела. «Визель» из увесистого стал неподъемным, дождь стекал по тусклой стали штыка на его конце.

Они бежали вперед – размытые пятна серых кителей его однополчан не давали ему потеряться в этом безумии, где небо, земля, колючая проволока и лужи смешались в бессмысленной круговерти. Вспышки артиллерийских орудий мелькали где-то на периферии зрения.

– Ложись!

Он рухнул ничком, вжимаясь в разрытую сапогами дорогу. Громыкнуло. Близко, так близко! Волна прокатилась по воздуху, прошла сквозь землю, коснулась его живота, вмиг скрутив кишки узлом, перекликнулась с замершим сердцем. Заложило уши.

– Вперед, вперед!

Только фигуры других кантабрийских солдат вокруг него, только приглушенный голос, отдающий приказы, имеют смысл. И силуэт Валликрава впереди.

В одной из его стен зияет брешь, небольшая на фоне остальной махины древнего города – не один день, не одна сотня исковерканных тел была положена на то, чтобы проделать ее. Город-крепость замкнулся, ограждая и олонских захватчиков, и заложников-горожан. Тогда в ход пошли подрывники. Их убивали на подходе, но они снова и снова рвались туда с упорством муравьев, перебирающихся через струйку смолы.

И только сегодня на рассвете им удалось расколоть этот орех. Теперь пехотинцы, среди которых был и рядовой Юнсон – сын лавочника Юнсона, кто бы мог подумать! – с боем должны были взять крепость. Перешагнуть через тела других солдат, тех, кто уже застыл в смоле истории.

Густав промок насквозь. Не по-летнему холодный ветер хлестал бойцов водой с привкусом праха.

Капрал махнул рукой, и их отряд, один из многих, хлынул в следующее кольцо окопов. Не передышка, не затишье. Под сапогами чавкнуло дно траншеи, солдаты вскинули винтовки, примостили их на мешки с песком. Прильнули к ним телами в сером, замерли.

Через завесу стальных капель показались зеленые фигуры свенскеров. Они вышли из пролома, чтобы остановить атаку кантабрийцев. Среди них Густав увидел и несколько конных. Сверкнули их сабли, поднятые к небу. Офицеры.

– Огонь!

Онемевшие пальцы взводят курок, глаз ищет колеблющийся прицел, гладко шелкает спусковой крючок. Плечо уже привычно ноет в ответ на отдачу приклада. Выстрел, другой, третий, четвертый. Всего их шесть. Перезарядка. Десять секунд, а то и меньше. Быстрее, быстрее! Не думать, считать секунды и пули.

Только не думать!

Олонцы стреляют в ответ. Пули вгрызаются в песочную баррикаду, вязнут в костях, разрывают головы, как спелые ягоды. Красное расцветивает как зеленую форму, так и серую.

Снова полный магазин. Стрелять. Не думать!

Юнсон, сын лавочника, недоделанный философ и столичный щеголь, что ты забыл здесь? Чего ты ждал?..

Перезарядка.

Олонцы падали в грязь. Его соотечественники падали в грязь. Шестой патрон выскользнул из покрасневших пальцев и нырнул в траншейную грязь.

Густав наклонился, чтобы подобрать его, но нащупал только носок солдатского сапога. Он вскинул глаза и увидел, что парень, который стоял рядом с ним, лежит с простреленной шеей. На его лице недоумение, а дождевая вода заполнила раскрытый рот и вытекает обратно, как у фигуры из фонтана. Как его звали?

Юнсон взял шестой патрон из поясной сумки. Всего лишь один пропал на дне окопа, их еще много.

Убивал ли он? Несомненно. Но не было в этом и сотой доли той радости, которой он ждал. Густав надеялся найти на поле боя веселую ярость Вальхаллы, а нашел ужас Преисподней.

– Вперед! Пошли, пошли! Шевелись, падаль!

Вновь голос капрала толкает его вперед. И вновь он рвет жилы, выдираясь из окопа, оставляя позади безымянные тела чьих-то сыновей, «сенов» и «сонов».

Провал в стене уже близко, так ослепительно близко! Густав будет там, он войдет в Валликрав в числе поредевшей роты, и город-крепость разведет перед освободителями колени.

Бойцы впереди колонны отстреливают свенскеров на бегу, а те все лезут, лезут, лезут из бреши; их лица все как одно, их черные глаза-прицелы ищут твое сердце.

Густав закричал, подав голос впервые с самого рассвета, и выставил «Визель» перед собой. Через тягучую секунду он услышал приказ «штыки к бою!», но уже был готов. К чему стрельба, если враг так близко, если до него можно дотянуться острием и колоть, колоть, колоть! Тепло разлилось по его венам, руки согрелись от пальцев до самых плеч. А может, их согрела кровь, брызнувшая изо рта олонца, которому он пропорол живот. Густав продолжал кричать.

Страшно! Страх хлестал из каждой поры, вился внутри недобитой змеей. Все вокруг будто плясали буйный шляйсер, вращаясь вокруг своей оси, с судорожными рывками и подскоками, но у партнерши не развевалась коса, не набухла теплым ветром нижняя юбка. Да и откуда им взяться у штыковой винтовки! Залпы артиллерии заменили им барабаны, а стоны раненых и умирающих – песни.

Ряды свенскеров, выступавших из крепости, заметно поредели. Кто-то издал победный клич, его подхватили, и тот понесся над долиной, как взрывная волна, нарастая с каждым витком. Густав утер рукавом пульсирующее лицо и увидел на ткани широкий бурый мазок крови. Своя? Тошнота толкнулась в горло, перед глазами дрогнуло и покачнулось. Но он только сильнее сжал приклад, приказав себе оставаться здесь.

– Вперед! На Валликрав! – донесся до него совершенно сорванный голос сержанта.

И рядовой Юнсон побежал вперед. Если бы из всей роты остался он один, он бы побежал все равно.

Густав уже мог различить очертания фасадов зданий, водопроводную колонку на углу безымянной улицы, выпуклости камней брусчатки, умытых дождем. Он убил еще одного свенскера. Другой упал на землю в двух шагах от крепостной стены, но Густав не стал его добивать – подойдет сам. Юнсон вступил под черную тень раскрошенной стены. Изнутри она оказалась не сплошной, а испещренной переходами, коридорами и лестницами. Но Густав недолго разглядывал устройство Валликравской крепости. Капрал время от времени хрипло кричал им пошевеливаться, кто-то толкал Густава в спину.

Они вступили в город.

Город был безлюден.

– Топор мне в ногу, – буркнул кто-то за спиной Густава.

Он обернулся, ища глазами лицо капрала. Растерянность тут же исчезла с лица военного, как только он почувствовал на себе взгляды подчиненных. Он рывкнул:

– Чего встали?!

И отдал приказ продвигаться вдоль крепостной стены изнутри. Цель была простой и ясной – убивать каждого рядового свенскера, который попадет на пути, и попытаться захватить в плен их офицеров.

Сзади на них напирала другая отряды, еще немного, и внутри окажется целый батальон, а то и полк. Остаться на месте не было никакой возможности, и Юнсон с сослуживцами отправился исполнять приказ.

Передвигались бегом, улица разворачивалась пеньковой веревкой с узелками на память: дома и переулки, мастерские, лавки и крошечные постоянные дворы. Никто из валликравцев не выходил навстречу армии освободителей.

Они обнаружили несколько опорных башен по периметру стены. Вход в каждую был намертво замурован. Солдаты Кантабрии двигались дальше. Ни одного свенскера, ни рядового, ни, тем более, офицера. Схватка осталась где-то позади, и бойцов догоняла смертельная усталость. Дождь понемногу стихал.

Солнце, выглянув, обозначило время далеко за полдень, когда отряд Юнсона нос к носу столкнулся с другими кантабрийскими солдатами, которые обходили крепость в другом направлении. Их командир шагнул навстречу капралу Густава, и рядовой Юнсон с удивлением узнал в нем майора Спегельрафа.

– Докладывайте, – тихо, но властно приказал майор. Его холеное лицо дамского любимца покрывали брызги черной грязи, но галуны на мундире сияли, будто стягивая на себя весь скудный свет.

Капрал вытянулся в струнку и без заминки отрапортовал и о замурованных башнях, и о подозрительном запустении Валликрава. Майор Спегельраф выслушал его, опустив подбородок.

– Валликрав не безлюден, – вымолвил он в ответ на рапорт. – Полчаса назад шестнадцатый пехотный батальон обнаружил городскую стражу, и те заявили, что мирное население укрылось во внутренней крепости, где раньше был деловой центр города.

– А где же тогда все свенскеры? Убиты?

– Убиты, – кивнул майор, и как-то болезненно дрогнул его яркий рот. – Вот только, кажется, мы сражались не с олонской армией, а с валликравской стеной.

Контейнер с гремучим студнем заложили под массивными воротами в одну из опорных башен. Когда взрыв грянул, вместе с дверью разнесло и часть улицы. Густав вызвался добровольцем на осмотр башни и стены изнутри. Враг мог еще таиться внутри, а клинок «Визеля» никак не желал остывать. Но главной причиной, в которой Юнсон не хотел себе признаваться, было то, что операцию возглавлял сам майор. Густава глодало любопытство, ему хотелось рассмотреть знаменитого фаворита вблизи.

В Комитете по правам рабочих он впитал презрение к аристократам. Выродки ушедшей эпохи, они продолжали навязывать людям свою волю, кичась богатством, землями и предками. Густав уяснил для себя, что так называемые «высокородные» не отличаются от него ничем. Но находясь вблизи от Клементя Спегельрафа, он чувствовал, что тот принадлежит к совершенно иной породе существ, и это ощущение зудело, как клоп под рубашкой. Ему хотелось понять, в чем, в чем же разница между ними?

Незадолго до прибытия на восточный фронт до него дошел очередной слухок, слишком лакомый, чтобы не стать популярным: адъютант генерала Богеля участвовал в дуэли.

Говорили, его прилюдно обвинили в тайной связи с королевой, и он сам вызвал обидчика на поединок. Но оба были офицерами, победителю грозил трибунал, так что они сошлись на «иберийской рулетке». Барабан крутили лишь единожды. Говорили, что когда вмешались старшие по званию, оставалось всего два шанса из шести – спасительный и смертоносный. Клемент Спегельграф дважды подносил к виску револьвер и дважды спускал крючок, отстаивая честь своей королевы. Говорили, его противник был на грани помешательства. Брехня, конечно.

Ступени башни раскрошились, и разведчикам пришлось карабкаться на четвереньках. «Визель» болтался у живота, ранец тянул вниз. Густав полз, ежесекундно проверяя, как быстро он сможет перехватить винтовку и направить на врага. Но в башне царил тишина, нарушаемая только скрипом сапог, тяжелым дыханием и сухим перестуком камешков. В отдалении, приглушенная толстыми каменными стенами крепости, рокотала армия победителей. Те, кто оставался еще снаружи Валликрава, постепенно втягивались внутрь, как в воронку.

Лестница оборвалась внезапно, как песня. Густав подтянулся последний раз и поднялся на ноги. Поблизости стоял и озирался майор Спегельграф. Юнсон инстинктивно потянулся к нему. Тот скупым жестом указал направление, и все, сгорбившись, шагнули к массивной деревянной двери. Один солдат толкнул ее вполсилы, и она качнулась на петлях, не сдерживаемая засовом.

Когда она отворилась, стало ясно, что разведывательный отряд зря пытался соблюдать тишину. Слышать их было некому.

Густав в изумлении наблюдал кровавую картину: четверо олонцев расположились по углам, точно караульные. На стенах влажно блестели багровые кляксы и мазки чего-то розовато-серого, комковатого. Рука одного из олонских солдат до сих пор сжимала полированную рукоять пистолета. Другой так и не выпустил из пальцев квадратик мутной фотографии.

– Они застрелились, – тихо сказал один из кантабрийцев.

– Да, – коротко подтвердил майор Спегельграф. – Осмотреть помещение. Могли остаться карты, документы. Что угодно.

Повинуясь приказу, Густав направился к столу у окна. Бездумно выдвинул ящик, другой, третий. Пусто.

Но едва он повернулся к майору, едва открыл рот, как раздался новый взрыв. И он был в сто крат мощней того, которым они вскрыли башню.

Чудовищный спазм сотряс крепость, камни под ногами взбунтовались, на головы посыпалась колкая крошка. Густав упал на колени, закрыл голову, как учили в корпусе. В ту же секунду новая волна шума набросилась на них с другой стороны – что-то случилось за стенами Валликрава.

Клемент Спегельграф был первым, кто достиг узкого окна-бойницы. Он выругался коротко и крепко, как умеют только те, кто своими глазами видел настоящий крах.

Глава 7. Игра в фанты

Луизе казалось, что понадобится по меньшей мере неделя, а то и целый месяц, чтобы добиться аудиенции королевы.

Свои шансы попасть во дворец сразу она оценивала, как ничтожные, хотя мысль о возвращении стала навязчивой с той самой минуты, как она увидела на вершине холма точную копию дворца. Места, где выросла, где была маленьким призраком в кремовых кружевах; силуэтом, глядящим из окон, тенью за гобеленом.

Ей чудился аромат роз из зимнего сада принцессы и нагретой солнцем пыли, свежих булочек со сливовым джемом, запах мастики для паркета.

Преодолев наполовину отстроенный Золотой Квартал и оказавшись у массивных ворот из черного металла с золочеными пиками по верху, она оторопела. Луиза глядела на часовых в форме с галунами и не могла заставить себя шагнуть ближе.

Из оцепенения ее вывел толчок в спину:

– Не стой столбом, как сурок. Пошли тебя властям сдавать!

Нильс подхватил Луизу под локоть и повлек вперед. Часовые уже следили за ними взглядом, и их лица становились все более суровыми.

– Далее проход только по прямому приказу и разрешению Их Величеств, – часовой с золотисто-русыми завитыми усами поднял руку в белоснежной перчатке, призывая их остановиться.

– О, мужик, поверь мне, – ощерился железными зубищами Нильс. – Их Величества сами до оградки побегут, когда узнают, кто пожаловал. – Он снова подтолкнул Луизу вперед. – Перед вами сестрица вашего короля, Луиза Спегельраф.

– Луиза Бригитта Спегельраф, – уточнила она так спокойно, как только могла. – Прошу доложить о моем визите немедленно.

Часовые переглянулись. Дальнейшие их действия напоминали сложный пчелиный танец с переменой мест, козырянием, рублеными фразами. Прибыла смена караула. Их с Нильсом пропустили за первые ворота из нескольких контуров, теперь опоясывающих холм.

Луизу будто подцепил огромный крюк и потащил все выше, все быстрее. Один барьер за другим. У Луизы даже закружилась голова, будто воздух становился иным, и ее легкие к нему не привыкли.

Что до Нильса, он никак не выражал ни удивления, ни беспокойства. Его лицо говорило: «Я этих дворцов на своем веку повидал».

Луиза не вглядывалась в людей, что встречались ей на пути, что задавали вопросы, она не сводила глаз с дворца.

Какое жуткое, противоестественное сходство в мельчайших деталях. Как будто не было пожара, не было всех этих лет. Как будто она никогда не поступалась ни гордостью, ни совестью, ни честью. Не испытывала ужаса. Не совершала зла.

Еще миг, и на балкон с барельефом в виде сцепившихся драконов выйдет Иоганн Линдберг Четвертый – виски тронула благородная седина – и, хлопнув перчатками по перилам, крикнет, чтобы борзых готовили к охоте.

Луиза спешно приложила пальцы к уголкам глаз: ей вдруг стало ясно, что все годы, пока она жила при дворе, ей хотелось, чтобы ее отцом был он, а не Судья. Не ради титула или подарков. Просто он казался добрым человеком, любящим свою дочь.

Едва она отвела взгляд от балкона, как раздался громкий женский голос:

– Где она?! Где? Куда вы ее завели? Луиза! – и перестук каблуков о камень.

Луиза обернулась, и в тот же миг на нее обрушилась теплая душистая волна. Руки, мягкие и белые, обвили ее, грозные серые глаза королевы оказались точно напротив ее лица.

– Ты! Ты! Как?.. Я ждала! – Агнесс то прижимала ее к груди, то отстраняла на длину рук и принималась ощупывать лицо Луизы, точно слепая.

А той вдруг сделалось так радостно и даже смешно, что рот сам собой растянулся в широкую зубастую улыбку, а слезы брызнули и побежали по щекам.

– Я ждала, я боялась. Я ведь... я все сделала, как ты написала мне! Если бы не ты, не письмо... Боги, записочка крошечная! Я не знаю, что бы тогда было, – Агнесс говорила быстро, и ее лицо покраснелось. – Они бы убили Антуана в ратуше, эти бандиты!

– Я так давно хотела домой, я хотела домой, – Луиза смеялась сквозь слезы, стиснув плечи Агнесс. – Я уже не верила, что найду дорогу, что смогу...

Вскоре они уже не могли вымолвить ни слова, только тяжело дышали, упершись друг в друга горячими лбами и переплетя пальцы.

– Ты дома, Луиза Спегельраф, – наконец вымолвила королева. – И теперь все будет, как прежде. Все будет так, как и должно быть.

Агнесс не терпелось устроить праздник. Ее глаза сияли как жемчуг на шее и в волосах, руки порхали, как крылья голубки. Королева тут же принялась планировать бал ко дню летнего солнцестояния, чтобы представить Луизу обновленному двору.

Ее юные фрейлины, которые появились в саду немного позже Агнесс, наперебой начали обсуждать эту идею и предлагать темы оформления и костюмов.

– Подождите, – прервала их Луиза. – О каком бале может быть речь? Идет война! Мы не можем устраивать праздник.

Глаза Агнесс вдруг застыли, будто она вспомнила что-то давно ускользнувшее от внимания. Одна из фрейлин тоненько фыркнула, но на нее шикнули.

– Да, – неуверенно протянула Агнесс. – Это недоразумение скоро будет окончено, и наши солдаты вернутся домой героями. Война – это важно, ей занимаются мои советники и генералы. Но...

Она обернулась на фрейлин, сощурилась и рукой подала им знак удалиться. Когда они отошли на удобное расстояние, Агнесс склонилась к самому уху Луизы и зашептала:

– Здесь у меня и Антуана почти нет друзей. Революция расколола нас, и никто не видит во мне добрую госпожу. Я хочу это исправить. Любовь народа берет начало из радости, а для нее было так мало поводов.

Луиза кивала, кусая губы и хмурясь.

– Так подари им победу и твою милость, – предложила она. – Подай сиротам, утешь матерей. Обеспечь покалеченных. И они полюбят тебя. Пышные праздники двора только раздражают бедных.

Агнесс вздохнула, приложив кисть к алебастровым ключицам, усыпанным жемчугом.

– Ах, Луиза... Если бы все было так просто, – она подняла взгляд к пряничной крыше своего нового дворца. Вокруг одной из башенок шелковыми флажками вились белые голуби. – Боюсь, любовь двора будет заслужить гораздо сложнее.

Вопрос с балом отложили до следующей недели, но Агнесс настояла на том, чтобы на следующий день состоялся королевский прием, на котором Луиза встретится с братом. Разумеется, ее спаситель – Нильс – тоже был приглашен.

Агнесс с такой искренней гордостью говорила о том, как Антуан делает успехи в ходьбе, что у Луизы перехватывало горло.

Прежде, чем Нильса сопроводили в отведенные ему комнаты, он пробормотал что-то про шибко грамотных и их паршивую привычку марать бумагу. Но Луиза списала это на избыток впечатлений и непривычную обстановку.

Тревожные мысли покинули Луизу окончательно, когда она обнаружила в своих покоях ванну. Она отослала горничных и принялась скрести руки и ноги жесткой щеткой до красноты, а после лежала в воде, ни о чем не думая, пока ванна совсем не остыла. В ту ночь, впервые за долгое время, Луизу не навещали ее мертвецы.

Наутро фрекен Спегельграф разбудили, накормили до смешного изысканным завтраком и помогли одеться в небесно-голубое платье с пышными газовыми рукавами. Черный дорожный костюм был сочтен недостаточно праздничным, хотя Луиза думала иначе.

За ней прислали сопровождение – четверых гвардейцев в парадной белой форме. Их эполеты и блеск золотых пуговиц на мундирах напоминали об альгуасилах и последней встрече с ними, но Луиза решительно отогнала этот образ. Она – не пленница. И даже не гостья. Она вернулась туда, где и должна быть.

Нильс был с ними – в том же костюме, который ему сшили для визита к Крысиному Королю. Две высоких аудиенции за столь короткий срок, а бывший каторжник держался, как ни в чем не бывало. Только смотрел не по сторонам, не на торжественный конвой и даже не на Луизу, а прямо перед собой. Девушка про себя порадовалась, что он не демонстрирует гвардейцам свои железные зубы и не подшучивает над ними в своей обычной грубой манере.

Их провели через анфиладу комнат второго этажа, и слуги, попадавшие им по пути, склоняли головы.

Наконец, Луизу и Нильса ввели в большой зал, в точной копии которого Иоганн Линдберг Четвертый принимал послов и других высоких гостей. Лу нечасто пускали на подобные приемы, но, бывало, она в одиночестве кружилась по пустому залу, воображая свой первый вальс.

Стены поддерживали колонны из кремового мрамора, гладкого, как карамель; к потолку, украшенному фресками, убегал золоченый плющ лепнины. Пол был отделан плитам из полированного черного камня, напоминавшего обсидиан, и устлан коврами – белыми с золотой нитью.

На возвышении стояли два ясеневых трона. На одном восседал ее старший брат, а другой занимала Агнесс, улыбаясь Луизе самой ободряющей улыбкой. Со стороны королевы к трону липли фрейлины. В своих оборчатых платьях они напоминали древесные грибы с волнистым краем. Напротив разместились высокие сановники из Совета. Ниже помоста выстроились люди рангом пониже. Кто-то в военной форме, кто-то в штатском. На новоприбывших тут же нацелились глаза, пенсне и монокли разных калибров.

– Ее Светлость Луиза Бригитта Спегельграф, герцогиня Вайсмундская и Давеншпильская! – провозгласил церемониймейстер, и его голос легко разнесся по зале. – В сопровождении доблестного герра Нильса!

Луиза остановилась на ковровой дорожке, ведущей к трону. По обеим ее сторонам стоял караул – восемь человек, по двое гвардейцев охраняли каждый из четырех входов в зал; каждый вооружен штыковой винтовкой и коротким клинком для ближнего боя. Все это Луиза отмечала автоматически. Также естественно она подцепила кончиками пальцев складки юбки, чуть склонилась и согнула колено. Такие вещи, как реверанс, тело не забывает.

– Ваши Величества...

Агнесс кивнула и положила руку на плечо Антуана. Луиза заставила себя посмотреть в лицо брату. В последний раз она видела его на балконе ратуши – одержимого, жуткого. Нынешний Антуан выглядел как при их встрече в Виндхунде: такой же тихий, погруженный глубоко в собственный мир. Луиза шагнула к трону. Каждый следующий шаг давался ей легче предыдущего. Наконец, она оказалась достаточно близко, чтобы увидеть на тонких губах брата призрачную улыбку. Антуан вытянул руку ей навстречу, будто хотел помочь подняться.

– Все это славно до одури, – раздался лающий голос Нильса. – Тут и сказочке конец, а кто слушал – пусть валит подальше. Так?

Луиза остановилась и обернулась на своего товарища. Что на него нашло? Никто и не думал забывать о нем или гнать вон. По залу прокатился приглушенный ропот придворных.

– Нильс, – начала было Луиза, не думая об этикете.

– Любезный герр Нильс, вы недооцениваете королевскую благодарность, – прервала ее лучезарная Агнесс, поглаживая плечо Антуана. – Вы получите всю причитающуюся вам сумму или же другую награду, если выскажете такое желание.

Нильс нехорошо улыбнулся, показав зубы. Фрейлины ахнули.

– Желание, значит? Любое, значит? – уточнил он вкрадчиво, чуть склонив шею вперед, содрал с плеч пиджак и набросил его на левую руку. Дурной знак.

– В рамках закона, разумеется, – дрогнувшим голосом уточнила Агнесс.

Нильс выпрямился, вскинув подбородок.

– Есть у меня одно желание по старому закону, – тут он едва уловимым движением выхватил из-за пояса продолговатый костяной предмет, который в один взмах превратился в клинок длиной в руку. – Отравитель, я пришел за тобой!

– Проклятье, Нильс! – вскрикнула Луиза и дернулась было к нему, но ее мгновенно оттеснили гвардейцы.

Двое бросились на Нильса, но он уже кружил по залу, обманывая нападавших взмахами руки с намотанным на манер плаща пиджаком и разя изогнутой навахой. Луиза не могла выдавить и звука, только в ярости открывала и закрывала рот, руки сжались в кулаки. Как он мог!

Тем временем Нильса окружили и выбили наваху из его рук. Гвардейцы висли на нем, как охотничья свора на матером волке, и их было слишком много, чтобы сопротивляться в одиночку. Даже когда ему скрутили руки за спиной, он продолжал грозить железными клыками. Двое гвардейцев были ранены, на глянцевом черном полу выпукло сияли лужицы крови.

– Довольно! – раздался незнакомый голос.

И стало тихо. Только теперь Луиза поняла, какой страшный гвалт наполнял зал до этого. Она обратила взгляд к трону и поняла, что голос принадлежал Антуану. Он наклонился вперед, прижимая кулак к груди, на лице отражалась мука.

– Почему ты хочешь моей смерти? – обратился король к Нильсу.

Тот дернулся, но держали его крепко.

– Потому, что ты, Отравитель, не заплатил ни за одну жизнь, отнятую твоим поганым зельем! Потому, что кровью нужно платить за кровь, жизнью за жизнь, – Нильс сплюнул на пол, испачкав подбородок красным. – Ты отправил в Хель мою мать.

Король глядел на него, не отрываясь. Расшитый золотом мундир не мог скрыть болезненную худобу Антуана, а руки, стиснувшие подлокотники ясеневое трона и вовсе казались птичьими лапами. Луиза с трудом втянула загустевший воздух.

Желание немедленно вмешаться отступило – это было между ними двумя: ее кровным братом и названным.

– Отпустите его, – произнес Антуан. Когда никто не отреагировал, он возвысил голос, и боль снова искадила его черты. – Это приказ! Отпустить его!

Гвардейцы нехотя повиновались. Нильс брезгливо повел плечами и встал на ноги.

– Антуан, – всхлипнула Агнесс. – Что ты делаешь, это безумие...

Но король только бросил на нее свирепый взгляд.

И поднялся с трона.

Нильс подобрал наваху и двинулся к Антуану. Дула винтовок упирались ему в спину, но он словно не замечал их. Антуан Спегельраф шагал к нему навстречу, неуклюже опираясь на изящную трость. Бывший каторжник остановился. Тогда король отбросил трость, та упала на обсидиановые плиты с жалким звоном, как рапира дуэлянта. Антуан рывком опустился на колени, почти рухнул. Весь двор слышал, как истерично всхлипнула вмиг посеревшая Агнесс.

Король стоял на коленях перед Нильсом, упершись ладонями в пол, склонив шею. Длинные светлые волосы Антуана завесили его профиль. Он был спокоен, как жертвенное животное. Нильс тоже замер.

Король Кантабрии, заговорил:

– Все, чего я ждал после пробуждения, это тебя, человек по имени Нильс. Я ждал, что ты придешь, – пальцы его напряглись так, что побелели костяшки. – Я вверяю тебе свою жизнь. И благодарю.

Нильс сделал еще один шаг к королю. Агнесс медленно начала оседать на услужливо подставленные руки фрейлин. Луиза вдруг ясно разглядела голубую жилку, пульсирующую на тонкой бледной шее брата, и представила, как лезвие навахи рассекает ее. Яркая кровь мгновенно пропитывает белую ковровую дорожку. Луиза точно очнулась ото сна. Нет, она больше не допустит насилия под этой крышей!

– Нильс! – неживым, чуждо-низким голосом позвала Луиза. Когда он поднял на нее налистые красные глаза, сказала одними губами: – Не смей.

Ее давний противник, ее друг, почти брат – он убил множество людей, гораздо больше, чем Луиза могла вообразить. Она знала: Нильс жесток и кровожаден. Но он точно не сошел с ума и не станет убивать больного безоружного человека, ко всему прочему, стоящего на коленях.

Нильс снова посмотрел на Антуана, на его торчащие через плотную материю мундира угловатые лопатки и хребет, снова сплюнул – теперь уже на белое – сложил наваху пополам и спрятал ее за пояс.

От облегчения у Луизы ослабли колени. Она упала бы, если бы гвардейцы не продолжали держать ее под локти.

Нильса снова обезоружили и увели прочь под прицелами десятка винтовок. Антуан продолжал стоять на коленях, пока несколько лакеев не бросились к нему наперегонки и не вцепились в его плечи. Фрейлины суетились вокруг Агнесс, все еще пребывавшей в беспамятстве. Сановники начали разбредаться по углам небольшими группами, чтобы обсудить, как относиться к произошедшему. Луиза стояла посреди зала, не зная, куда ей податься – последовать за Нильсом, приводить в чувства Агнесс или справиться о состоянии брата. Пока она принимала это мучительное решение, кто-то из придворных бросил ей на ходу:

– А вы умеете появляться эффектно, фрекен Спегельраф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.